

Юрий МУХИН

Главная
АНТИРОССИЙСКАЯ
ПОДЛОСТЬ

Юрий Мухин

Главная антироссийская подлость

«Яуза»

2010

Мухин Ю. И.

Главная антироссийская подлость / Ю. И. Мухин — «Яуза»,
2010

Сенсационная книга самого бескомпромиссного историка и публициста! Опровержение самых подлых антироссийских мифов. Разоблачение главной фальсификации XX века – так называемого «Катынского дела». Пощечина «либеральным» подпевалам гитлеровцев, готовым на любую низость, лишь бы очернить советское прошлое. Прodelав колоссальную аналитическую работу, обнаружив в официальной версии Катынской трагедии массу нестыковок, противоречий и прямой лжи, Юрий Мухин убедительно доказывает, что на самом деле пленные польские офицеры были расстреляны не НКВД, а немецкими оккупантами! Это расследование не только раскрывает механику обмана, демонстрируя, как именно была сострепана Катынская фальшивка, но и выводит на чистую воду заказчиков клеветы, призванной рассорить русский и польский народы и вновь раздуть «давний спор славян между собою...».

© Мухин Ю. И., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Предисловие	5
Примечания	15
Глава 1	16
Два раза повторять не имеет смысла	16
Достаточно одного	18
Образ мыслей русского человека и человека Запада	20
Пятая колонна	26
Мотивы расстрела пленных польских офицеров	34
Разделение пленных на три категории	40
Об эксгумациях праха польских военнопленных	42
О чем рассказало кино	44
Следственные чудеса от Римско-католической церкви	46
Почерк	51
Примечания	59
Глава 2	62
Бригада Геббельса в 1943 г	62
Уничтожение свидетелей немецко-польскими геббельсовцами	67
Убийство прокуроров	69
Бригада Геббельса о Катыни весной 1943 г	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юрий Мухин

Главная антироссийская подлость

«Все христонпродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья».
Н.В. Гоголь. «Мертвые души»

Предисловие

Многие ли в России понимают, что даже не итог расследования этого дела, т. е. не судебное установленный факт того, кто же именно расстрелял пленных, а всего лишь отдельные, тенденциозно подобранные сообщения, документы и фальшивки, поставляемые сначала советской, а затем российской генпрокуратурами антирусски настроенным полякам в Варшаве, привели к тому, что бывший, почти 40-летний военный союзник СССР ныне стал потенциальным врагом России – членом НАТО? Многие ли знают, что как только в этом деле будет поставлена возжеленная поляками и отечественными негодями точка, то нынешние граждане России будут платить нынешним гражданам враждебной Польши денежную «компенсацию»?

В 1995 г. я написал небольшую книгу, скорее брошюру, «Катынский детектив»¹, в которой показал, что та подлость, с которой Катынское дело фабрикуется Генеральной прокуратурой России и продажной прессой, была немыслима даже для прожженных следователей Н. Ежова в 1937–1938 гг., которые, кстати, в подавляющем большинстве были расстреляны уже в 1939–1940 гг., когда НКВД возглавил Л.П. Берия. И хотя моя книга продавалась фактически в единственном киоске в Москве, а я работал в то время в Казахстане, бывая в Москве очень редко, меня разыскало во время одной из командировок в Москву польское посольство и попросило о встрече по поводу «Катынского детектива». Польша еще не была в НАТО, теоретически среди поляков могли быть порядочные и здравомыслящие люди, поэтому я охотно приехал на встречу. Принимали меня консул Польши в России и одновременно первый секретарь посольства Ежи Ольшевский (Jerzy Olszewski), видный деятель в этом вопросе М. Журавский и, как говорится, другие официальные лица. Интересовало их несколько вопросов, возможно главный – кто за мной стоит? Были и другие вопросы, на которых я остановлюсь в книге. От них же я узнал, что «Катынский детектив» уже обсуждался в польском Сейме (высшем законодательном органе) и что в Польше 800 тысяч «близких родственников» расстрелянных польских офицеров уже держат карманы шире в ожидании, когда же Россия начнет набивать эти карманы долларами. Я не стал реагировать на наглость такой постановки вопроса и предложил примерно следующее.

Панове! Кто бы ни убил тех офицеров, сам по себе этот факт является преступлением. Это убийство уже семь лет (на тот момент) расследует Генпрокуратура России. Требуйте от нее, чтобы она побыстрее подписывала обвинительное заключение и передавала дело в суд, поскольку по конституциям как России, так и Польши признать кого-либо преступником может только он. Никаким прокурорам, журналистам, депутатам и послам этого права не дано. Только после того, как суд рассмотрит Катынское дело, выслушав обвинителей, адвокатов, рассмотрев все доказательства и вынеся приговор, можно будет говорить об иске граждан Польши к гражданам России.

Как мне помнится, от самой мысли о суде по Катынскому делу поляки даже побелели: это невозможно!! Мертвых нельзя судить!

Этикет не позволил мне по этому поводу высказать им то, что я о них думаю, тем более в нужных словах. А чем же они сами занимаются? Они, избегая публичного рассмотрения этого

дела, уже осудили Россию! Осудили на основании только того, что какие-то лица в прессе и в Генпрокуратуре России болтают о том, что поляков, дескать, расстрелял НКВД. И эта идея – признать СССР преступником как-нибудь без суда – идет от Генпрокуратуры России неспроста. Катынское дело сегодня насквозь сфальсифицировано, причастные к нему работники Генпрокуратуры – преступники, и они страшно боятся публичного разоблачения своего преступления в суде. По сей день они ищут способ, чтобы от этого дела избавиться незаконно.

В книге «Катынский синдром», написанной в соавторстве с одним из следователей, ведших это дело, А.Ю. Яблоковым, к примеру, написано: *«В подготовленном и вынесенном старшим военным прокурором ГВП Яблоковым постановлении о прекращении уголовного дела Сталин и приближенные к нему члены Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян и Берия, руководители НКВД/НКГБ/МГБ СССР и исполнители расстрелов на местах признавались виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 6 пункты «а», «б», «в» Устава Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге (преступления против мира, человечности, военные преступления), и геноциде польских граждан. Вынося постановление, Яблоков руководствовался тем, что катынское преступление уже имело свою квалификацию, которую дало государство (СССР) в лице высших правоохранительных органов в МВТ. Согласно Конституции СССР, а затем и РФ провозглашался приоритет международного права над внутренним законодательством, а по признанному СССР международному праву катынское преступление подпадало под все признаки статьи 6 Устава МВТ в Нюрнберге. На эти преступления не распространялись сроки давности, применялась обратная сила закона. В постановлении прокурора было признано также, что совершили различные преступления, предусмотренные статьями УК РСФСР, в редакции 1926 г., участники фальсификации выводов Специальной комиссии под руководством Бурденко (1944 г.), фальсификации в МВТ в Нюрнберге (1946 г.) и другие лица, скрывавшие тайну в последующие годы. В постановлении также был решен вопрос об ответственности исполнителей явно незаконных приказов о расстреле поляков. Уголовное дело прекращалось на основании статьи 5 пункта 8 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР за смертью виновных...»*

...В соответствии же с новой Конституцией РФ обвиняемых виновными в преступлениях может признать только суд (статья 49). Если учитывать реальные масштабы и последствия этого преступления, следует признать, что оценку содеянному мог бы дать как минимум только суд. Но суд, как и прокуратура, не рассматривает дела в отношении умерших (статья 5 пункт 8 УПК РСФСР)...

...Начиная с 1994 г. отношение руководства ГВП к Катынскому делу претерпело значительные изменения, связанные с осознанием необходимости принятия непопулярного решения о квалификации действий виновных по статье 6 Устава МВТ в Нюрнберге, о чем руководству неоднократно докладывал следователь. С подобной квалификацией во время консультаций соглашались С. Снежко и М. Журавский, но резко возражали против нее надзиравшие за расследованием дела прокуроры – генералы Н.Л. Анисимов, В.И. Купец, а затем и первый заместитель Главного военного прокурора Г.Н. Носов. Начальник Управления ГВП Н.Л. Анисимов сначала в устной, а затем и в форме 2 письменных обязательных для исполнения указаний потребовал прекращения уголовного дела в течение месяца...»² И т. д. и т. п.

Сначала немного о персоналиях. С. Снежко – заместитель генерального прокурора Польши, а Н. Анисимов – тот самый первый надзирающий прокурор Главной военной прокуратуры СССР, который начал фальсификацию этого дела и стал за эти заслуги генералом.

Обратите внимание на наглость: эти лица без суда уже признали государственных деятелей СССР виновными по статье 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге. А почему не по уставу суда святой инквизиции? Дело в том, что МВТ в Нюрнберге был создан для суда над очень узким кругом лиц. Статья 6 Устава, на которую ссылаются эти фальсификаторы Катынского дела, гласит (выделено мною): *«Трибунал, – учрежденный Соглашением,*

упомянутым в статье 1 настоящего Устава для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений»³. (Далее следует перечисление трех групп преступлений: а) против мира; в) военные преступления; с) против человечности.)

«Страны оси» – это страны, примкнувшие к договору 1934 г. между Берлином и Римом, который назывался «ось Берлин – Рим», впоследствии к этой оси примкнула и Япония, после чего ось стала называться «Берлин – Рим – Токио».

Но Нюрнбергский трибунал судил преступников не всех стран оси, а только **европейских**. Азиатских судил другой такой же трибунал, но с несколько отличным уставом, – Токийский. СССР скорее азиатская страна, нежели европейская, почему же его лидеров не судить по Уставу Токийского трибунала? Но главное даже не в том, что этим трибуналам был не подсуден никто, кроме военных преступников стран оси, а в том, что сама эта ось была военно-политической организацией, направленной против СССР! А в случае с Польшей дело вообще выглядит издевательски: ведь военные преступники наказывались и за агрессию против Чехословакии в 1938 г.⁴, а самым дерзким агрессором в этом нападении выступала Польша! Так что лидеров поляков по этому Уставу обвинить еще как-то можно, но лидеров СССР?! Вот этот юридический маразм показывает, что фальсификаторы готовы даже в ущерб своему профессиональному достоинству городить что угодно, лишь бы не допустить открытого суда по Катынскому делу.

К этому страху относится и их ссылка на пункт 8 статьи 5 УПК РСФСР. В данном случае закон гласит: «Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению... в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего или возобновления дела в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам»⁵. А официальный комментарий к этим статьям и пункту разъясняет: «33. Производство в отношении умершего может быть продолжено только в интересах его реабилитации, т. е. в случаях, когда имеющиеся в деле данные дают основание считать, что в действиях лица, которое привлекалось к уголовной ответственности, не было состава преступления, что отсутствовало событие преступления или что при рассмотрении дела в суде была допущена ошибка, исправление которой может повлечь отмену или изменение вынесенного приговора»⁶.

За расстрел польских офицеров ранее привлекался к уголовной ответственности Гитлер и его окружение, на Нюрнбергском трибунале они официально не были оправданы и считаются преступниками до сих пор. Сегодня же получается, что Главная военная прокуратура нынешней России выяснила, что в действиях Гитлера в Катыни «не было состава преступления», следовательно, пора России Гитлера реабилитировать, следовательно, нужен суд! Еще Хрущев подобрал такой состав судей Верховного суда СССР, перешедших в Верховный суд нынешней России, который рассмотрел и реабилитировал сотни тысяч казненных откровеннейших преступников, почему же он не может рассмотреть и Катынское дело? То есть никаких законных препятствий суду по Катынскому делу нет, тогда почему же этого суда так боятся и поляки и Генпрокуратура России?

Они ведь что выдумали: «Учитывая, что Государственная дума РФ заменила собой Съезд народных депутатов СССР, который 24 декабря 1989 г. рассмотрел вопрос о пакте Молотова – Риббентропа и принял постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», логично предположить, что именно она, как высший законодательный орган, может и должна дать оценку одному из наиболее тяжелых последствий этого договора. К этому же предположению подводят многочисленные публикации в средствах массовой информации как внутри страны, так и за рубежом»⁷.

То есть не судьи, которым платят за то, чтобы они рассматривали такие дела и которым полагается 10 лет лишения свободы, если они вынесут заведомо неправосудный приговор, а безответственные депутаты, которые заведомо не рассмотрят ни одного доказательства, поскольку не обязаны этого делать, должны признать СССР и Россию виновными в этом деле. (Наши нынешние безответственные депутаты признают, конечно, что угодно и дорого за это не возьмут, и если они почему-то до сих пор колеблются, то только потому, что им хватает доходов и от ежегодного дележа бюджета.) А вопрос остается: почему фальсификаторы так боятся суда, что готовы на что угодно, лишь бы не суд? Ведь сами признают, что *«оценку содеянному мог бы дать только суд»*, так почему же такой страх?

Тем более что нынешний состав Верховного суда России таков, что легко плюнет и на законы России, и на саму Россию и вынесет такой приговор, какой прикажет режим. Чего его бояться?

Да, сами судьи Верховного суда фальсификаторам не страшны, им страшно само действие, сам процесс суда – публичное разбирательство тех фальшивок, которые они насобирали в дело за все эти годы. Ведь такое громкое дело (материалы которого уже известны) тайно (закрытым судом) провести нельзя. Судебное следствие должно быть публичным. И фальсификаторам страшны не судьи, а страшна публика, т. е. вы – читатели этой книги. От вас все скрывается.

Возьмите такой пример. Когда я в 1995 г. написал книгу «Катынский детектив», то чтобы никого не уговаривать, издал ее за свой счет. Денег у меня не много, поэтому я издал ее в мягкой бумажной обложке и напечатана она на газетной (самой дешевой) бумаге. Но я издал ее тиражом 10 тыс. экземпляров. Я не боюсь, что вы ее прочтете и узнаете результат моей работы.

А мои оппоненты, доказывающие, что поляков расстреляли по приказу Сталина, потратив из бюджета СССР, России и Польши десятки миллионов долларов на исследования в архивах, на раскопку кладбищ, на журналистов и телепрограммы, на командировки и халявную выпивку со жратвой на бесчисленных встречах, заседаниях за круглым столом и презентациях, итоговые результаты своей работы публикуют тиражом 1,5–2,0 тыс. экземпляров и жалуются, что у них нет денег. Перекопать все кладбища под Смоленском, Харьковом и Тверью деньги были, а сообщить гражданам России, что же там за их деньги нашли – денег нет. Ну что же, раз уж у них нет денег и раз уж они никак не знают, как им Катынское дело представить на суд, то я им в этом помогу данной книгой.

Издателей я найду, а судьями будете вы. Ведь по существующему законодательству каждый гражданин России может быть вызван в суд в качестве присяжного, т. е. судьи, который определяет, виновен подсудимый или нет. Соответственно, у каждого читателя есть право самому рассмотреть все доказательства по этому делу и самому решить, кто же расстрелял тех поляков – немцы или НКВД.

(Напоминаю, что маленькими цифрами в тексте обозначен номер источника фактов для каждой главы из списка, помещенного в конце книги, а цифрой в круглых скобках будет дана ссылка на эпизод из этой книги.)

Официальных незаинтересованных органов, расследующих Катынское дело, практически нет и не было. После того как немцы в 1943 году открыли могилы с телами расстрелянных польских офицеров, правительственные органы Германии и СССР стали главными подозреваемыми в убийстве, правительство Польши того времени было чрезвычайно заинтересовано в совершенно определенных выводах следствия, а правительства западных стран стремились урвать с этого дела как можно больше политических выгод. В 80-х годах у СССР уже не было государственных деятелей, способных лично что-либо анализировать, но зато было полно таких, кто стремился понравиться «цивилизованным странам», не стесняясь брать с последних не только нобелевские премии, но и просто денежные подачки. С тех пор наши профессиональные «исследователи» и должностные лица, которые занялись Катынским делом, прямо

купаются в собственном хамстве, любят и гордятся им. И в этом своем вожделинии плюют на могилы своих отцов с остервенением, переходящим границы маразма.

Вот, к примеру, работа таких исследователей. Г. Жаворонков выехал в Харьков на «исследования»⁸ и поделился результатами. Они таковы. Есть в Харькове захоронения. Документов или каких-либо фактов, что там расстреляны польские офицеры, – нет. Есть мужик, который перед войной слышал от другого мужика, что тот возил трупы расстрелянных из тюрьмы на кладбище и среди этих трупов были и трупы в польской форме. Есть пацан, который говорит, что другие пацаны раскапывали в этих захоронениях польские ордена. Этим пацаном Жаворонков искать не стал, на захоронения не съездил и поэтому делает твердый вывод, что тысячи польских офицеров расстреляны в Харькове НКВД. Жаворонкову вторит А. Клева⁹. Он (или она) установил, что в захоронениях в Харькове находятся расстрелянные преступники: советские граждане, умершие от тифа немецкие военнопленные из инфекционного лагеря, расстрелянные полиция и предатели, а также расстрелянные по приговору трибунала «300 перебежчиков из довоенной Польши», то есть пытавшиеся перебежать через границу члены банд, действовавших на Украине и в Белоруссии, и их польские пособники. Отсюда делается вывод, что «преступники в форме НКВД убили в Харькове 3891 пленного поляка». Ни первый, ни второй «исследователи» ничего еще не установили, но прямо дрожат от нетерпения плеснуть помоями в отцов.

Уже полвека по факту в этом деле сложились две следственные бригады: одна добывает доказательства того, что поляков убили русские, другая – немцы. Причем первая бригада безапелляционно утверждает, что все факты, добытые второй бригадой, – ложные, так как они добыты под угрозой расправы со стороны НКВД. Отвергается все и без какого-либо рассмотрения. Если вы принесете из архива 1941 года фотографию, на которой немецкий солдат вгоняет штык в польского офицера, то первая бригада вам объявит, что эта фотография поддельна, так как она из НКВД; немецкий солдат на ней – это переодетый генерал НКВД Меркулов; немецкий солдат на ней на самом деле не вгоняет штык в польского офицера, а наоборот – вытаскивает, а вогнал его стоящий за кадром Берия. Читатели могут подумать, что я сгущаю краски. Отнюдь! Чтобы доказать это, мне придется, несколько забежав вперед, дать пару примеров, напомнив, что подобные извращения фактов следователями ГВП делаются за счет, как говорят американцы, налогоплательщиков России, т. е. за счет каждого из нас.

Когда наши войска освободили Смоленск в 1943 г. и сотрудники НКГБ начали выяснять, кто убил поляков (а кому еще этим заниматься?), то они в ходе следствия допросили крестьянина Киселева, который при немцах говорил, что поляков убил НКВД, но который (в отличие от других таких же «свидетелей») с немцами не сбежал. Киселев тогда показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня – давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение. Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе Козьих Гор с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне. После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что, по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке Козьих Гор расстреляли польских офицеров, и спросил меня – какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производил расстрелы в Козьих Горах, да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как Козьи Горы – совершенно открытое многолюдное место, и если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень. Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это якобы имело место.

За эти показания мне было обещано большое вознаграждение. Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания. После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня. В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного якобы НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, Киселев, проживая на хуторе в районе Козьих Гор, сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишете, или мы вас уничтожим. Выбирайте!» Испугавшись угрозы, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится.

В действительности получилось не так. Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе Козьих Гор обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году. Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район Козьих Гор. Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе. Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил. Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю. Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от «делегации» и прогнал. На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму... После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправили в камеру. При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселев, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками. Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступить публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием – по первому требованию немцев выступить перед «делегациями» в Катынском лесу... В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение полчаса заставлял заучивать наизусть все,

что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году. Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе Козьих Гор недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали». И обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД». После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших «делегаций». Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо. Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками». Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т. е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой. Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток»¹⁰.

Показания Киселева П.Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиваниях были подтверждены проживающими вместе с ним его женой Киселевой Аксиной, 1870 года рождения, его сыном Киселевым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения. Увечья, причиненные Киселеву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

Поскольку Киселев мог быть добровольным пособником немцев, т. е. врать в НКГБ о том, что его избивали в гестапо, председатель советской Специальной комиссии по расследованию этого дела академик Н.Н. Бурденко в протоколе данного допроса Киселева в 1943 г. записал: «Я настаиваю на экспертизе психики и слуха Киселева. Он не знает, какой врач его лечил, а это усложняет дело. Никто не сомневается в правильности его показаний, но нужно уточнить»¹¹. Как видите, уточнили и выяснили – да, у Киселева была повреждена рука и он оглох на одно ухо.

Давайте посмотрим сами, есть ли противоречия в показаниях Киселева, данных НКГБ и Специальной комиссии, возглавляемой президентом Академии медицинских наук академиком Бурденко. Гестапо – это следственный и дознавательный орган, а в этих органах во время войны с противником никто не церемонится ни в одной стране. Так что могли избить, и очень сильно. Немцы начали раскапывать могилы в феврале, а закончили в конце июня, т. е. шоу с показом трупов поляков различным делегациям длилось 4 месяца. За это время Киселева могли представить какой-то экскурсии, перед которой он с поручением не справился, затем подержать полтора месяца в гестапо, после чего подлечить и еще два месяца пичкать любопытных его рассказами. Противоречий не видно, а то, что Бурденко засомневался в его психическом состоянии и послал на экспертизу, говорит, что в НКГБ Киселева по написанному тексту никто говорить не заставлял.

Но вот прошло почти полвека, и следователи ГВП, вновь «расследуя», кто же убил поляков, вернулись к показаниям Киселева. Один из следователей ГВП А.Ю. Яблоков, непрерывно ссылаясь на листы уголовного дела № 159, пишет:

«Так, в немецком «Официальном материале о массовом Катынском убийстве» содержатся показания П.Г. Киселева, подсобного рабочего – сторожа дачи НКВД до начала войны, свидетеля того, как весной 1940 г. на железнодорожной станции Гнездово почти ежедневно из вагонов выводили мужчин, сажали в грузовики и отвозили в Катынский лес, откуда затем слышались крики и выстрелы. На протяжении 4–5 недель в Катынский лес привозили по 3–4 таких машины. Он обнаружил в лесу несколько свежих холмов и после прихода немцев показал группе рабочих-поляков эти холмы, дал лопаты для раскопок и знает, что поляки нашли

там трупы своих сограждан. Это были принципиально важные показания. Поэтому выяснение дальнейшей судьбы Киселева для проверки этих показаний стало одной из первых задач прокуроров.

Из хранившегося в УКГБ по Смоленской области секретного уголовного дела по обвинению П.Г. Киселева и его сына В.П. Киселева в сотрудничестве с оккупантами (которое, несмотря на тяжёлые обвинения, впоследствии было прекращено), из протоколов допросов П.Г. Киселева и его сына, а также А.М. Субботкина и Т.И. Сергеева следует, что эти показания были даны сотрудникам НКГБ практически сразу после освобождения, но затем тщательно скрывались. При этом П.Г. Киселев не только полностью подтвердил данные во время оккупации показания, но и конкретизировал их в том, что, говоря о расстрелянных, имел в виду поляков. Протоколами допросов Киселева, Субботина, Сергеева из того дела подтверждается: показания Киселевым были даны немцам добровольно и соответствовали тому, что он действительно видел.

Когда после освобождения Смоленска предпринимался ряд мер для ликвидации «советского следа» в Катынском лесу, в ходе «предварительного расследования» там работала комиссия из представителей центрального аппарата НКГБ СССР, которая передпросила всех перечисленных свидетелей. Все они коренным образом изменили свои показания. Теперь Киселев-старший показал, что якобы немцы избиениями и угрозами вынудили его утверждать, что поляков расстреляли в 1940 г. органы НКВД, и неоднократно заставляли выступать с этим сообщением перед различными делегациями в Катынском лесу. В действительности же Катынский лес всегда был излюбленным местом массовых гуляний населения. И только с момента оккупации район дачи НКВД огородили и запретили туда заходить под страхом смерти. В августе-сентябре 1941 г. немцы стали завозить на грузовиках и гнать колоннами польских военнопленных в Катынский лес, откуда затем были слышны выстрелы.

Аналогичные показания П.Г. Киселев дал на заседании комиссии Бурденко, на пресс-конференции по итогам работы этой комиссии. В таком же виде они были закреплены в официальном сообщении. Аналогично и соответственно показаниям Киселева были изменены и показания его сына и Сергеева.

Более того, в сообщении утверждалось, что в результате избиений в гестапо Киселеву-старшему якобы были причинены увечья, что подтверждалось актом врачебного обследования, а из показаний Сергеева следовало, что от избиений в гестапо у П.Г. Киселева отпала правая рука. Но Киселев в своих первых показаниях ничего об этом не говорил, в акте не выяснялся вопрос о времени и механизме получения травмы плеча, а на подлинных фотографиях, сделанных немцами в 1943 г., Киселев во время выступления перед врачами международной комиссии свободно держит в правой руке микрофон. Поэтому следствие пришло к выводу, что травмы руки у П.Г. Киселева не было»¹².

Оказывается, в уголовном деле на Киселева были подшиты какие-то первичные показания, которые противоречили окончательным показаниям, но из этого дела тогдашними следователями УКГБ Смоленска почему-то не были удалены, а «тщательно» в этом деле скрывались. Как, интересно? Когда прокурор это дело читал, следователи Смоленского УКГБ на эти страницы грудью ложились? Ну ладно, поверим в эту галиматью и вдумаемся в те показания Киселева немцам, которые, по уверениям ГВП России, «соответствовали тому, что он видел».

Итак, Киселев живет на хуторе близ места расстрела, работает сторожем и подсобным рабочим в доме отдыха НКВД, возле которого поляки и закопаны. Но по геббельсовской легенде, НКВД еще в 1934 г. окружил будущее место расстрела поляков колючей проволокой и никого туда не пускал. Как же Киселев туда ночью пробирался, чтобы обнаружить «свежие холмики» могил? Под пулями энкавэdistов, охранявших место расстрела? Затем он, рабочий дома отдыха НКВД, месяц сидит на станции Гнездово в 5 км от своего места жительства и

места работы и наблюдает, как поляков из вагонов сажают в грузовики. А кто же за него на даче НКВД ворота открывал и картошку чистил? Еще, из Гнездово в 1940 г. поляки перевозились в лагерь на автобусах с покрашенными окнами, причем днем, а не ночью. Гестапо этого не знало, соответственно и Киселев врал про «грузовики» и «ночь». Что ни строчка, то и противоречие, а ГВП за наши деньги нам же и впаривает – вот святая правда! И смотрите, какие нынешние прокуроры тонкие аналитики: раз на фото у Киселева в правой руке микрофон, то, значит, его в гестапо не били. Неужели в гестапо работали такие идиоты, чтобы представлять иностранным комиссиям Киселева в избитом виде? Да и сколько весит микрофон, чтобы его не удержать даже большой рукой? (На самом деле с микрофоном все еще смешнее, но об этом позже.)

То есть, по мнению ГВП, верить нужно только тем, кто работал на гестапо, и только тогда, когда они на него работали. И упаси Господь, если этот человек на гестапо не работал, тогда, по мнению ГВП, верить ему абсолютно нельзя. Подтверждений этих слов в «расследованиях» ГВП полно, к примеру, то, что следователи ГВП утворили с дневником Меньшагина, бургомистра Смоленска во время оккупации его немцами. Предыстория тут такая.

Когда наши войска подошли к Смоленску, Меньшагин удрал с немцами и был пойман только в 1945 г., когда комиссия Бурденко следствие уже закончила. Меньшагин получил 25 лет, выйдя из тюрьмы, был устроен в дом престарелых и там за деньги надиктовал на пленку и отправил на Запад свои воспоминания¹³. А его заместитель, профессор Базилевский, с немцами не удрал, сам в 1943 г. явился в НКГБ и сам рассказал все, что знал об этом деле. К этому времени НКГБ в архивах смоленской управы найдена записная книжка Меньшагина, где были такие записи, адресованные начальнику русской полиции в Смоленске Умнову: «*Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру... Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Козьих Горах (Умнову)*»¹⁴. Базилевский, хорошо знавший почерк шефа, подтвердил, что это почерк Меньшагина, кроме того, тогда же НКГБ проведена графологическая экспертиза, что было нетрудно сделать, поскольку до войны Меньшагин был известнейшим адвокатом Смоленска и написанные им ходатайства хранились в судебных архивах всех судебных инстанций СССР.

Однако сегодня следователи ГВП по этому эпизоду пишут следующее:

«Фабриковались и другие фальшивые документы, подтверждающие показания лжесвидетелей. В частности, сотрудниками оперативно-следственной группы НКВД был «найден» так называемый блокнот бывшего бургомистра Смоленска Б.Г. Меньшагина, в котором имелись записи о расстреле польских военнопленных. Эксперты НКГБ СССР дали заключение, что все записи в блокноте были сделаны Меньшагиным. В сообщении комиссии Бурденко и на Нюрнбергском процессе советским обвинением делались ссылки на Меньшагина и на записи в его блокноте. Как видно из книги Меньшагина «Воспоминания», изданной в Париже, он никогда не приписывал расстрела поляков немцам и не делал никаких записей об этом в блокноте. После освобождения Меньшагина из тюрьмы (после 25 лет заключения) и его ознакомления с показаниями «опознавшего» блокнот Базилевского, в своих «Воспоминаниях» он написал, что они «совершенно не соответствуют действительности» и ничего подобного не было. Все это легко можно было бы проверить, взяв непосредственно у Меньшагина образцы почерка для исследования. Однако этого сделано не было: работавшие с вещественными доказательствами оперативники были заинтересованы отнюдь не в установлении истины. Выводы экспертизы почерка Меньшагина нельзя считать обоснованными и объективными. Объективно в них только то, что почерк в блокноте и на четырех образцах почерка, представленных на исследование, идентичен, но кому он принадлежит, неизвестно. Утверждение Базилевского, что это почерк Меньшагина, не может приниматься во внимание, поскольку он сотрудничал с НКВД. С учетом всех этих обстоятельств, а также того, что самого Меньшагина скрывали в Московской, а затем Владимирской тюрьме и не взяли у него подлинных образцов для

сравнительного исследования, следует признать, что «блокнот Меньшагина» – фальшивка, сфабрикованная в НКВД»¹⁵.

Тоже текст не для слабого ума. Меньшагин переслал свою надиктовку на Запад в 80-х годах, когда никакого следствия по Катынскому делу не велось и никому делать графологическую экспертизу не требовалось. А изданы его «Воспоминания» были через четыре года после его смерти. Да и зачем делать эту экспертизу, если, как признает сама ГВП, она уже была сделана в 1944 г.? Но обратите внимание на другое: Базилевскому в ГВП веры нет, поскольку он, в отличие от Меньшагина, сотрудничал не с немцами, а с НКВД, т. е. сам пришел туда, чтобы сообщить о злодеяниях тогдашних братьев Главной Военной прокуратуры РФ по уму, совести и чести.

Повторю, что когда в 1943 г. начало раскручиваться это дело, то непосредственно руководил им в Германии Йозеф Геббельс. Его можно и нужно ненавидеть, но необходимо относиться к нему и с пониманием: он ведь возглавлял пропагандистские войска Германии. И каждая его пропагандистская битва, а Катынское дело – именно такое сражение, спасала жизнь немецких солдат и наносила потери противникам Германии. Он был солдатом и делал все для блага своей Родины, такой, как он ее понимал и хотел видеть.

В «Катынском детективе» я отнес всех, кто фабрикует дело в духе Геббельса, к его бригаде, назвав их «следователями бригады Геббельса». Не думаю, чтобы патриот Геббельс был в восторге от таких «общечеловеков», но пусть терпит – он при жизни использовал подонков, пусть принимает их компанию и после смерти. Это же название я оставляю и в настоящей книге, перечислять я их не буду, они сами всплывут по тексту, а кого пропущу, тех в свое время разыщут.

Тех же, кто отстаивает версию СССР, т. е. то, что пленных поляков расстреляли немцы, я назвал «бригадой Сталина» и для этой книги данное название оставляю в силе.

Итак, уважаемые судьи, садитесь поудобнее и начинайте анализировать те доказательства, которые начнут представлять вам для рассмотрения обе эти бригады.

Примечания

1. *Мухин Ю.И.* Катынский детектив. М.: Светотон. ЛТД, 1995.
2. *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских отношениях. М.: РОССМЭН, 2001, с. 400–401. (Далее – **Синдром.**)
3. Нюрнбергский процесс. Сб. Т. 1. М. Госюриздат. 1952, с. 16.
4. Там же, с. 41.
5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. Под общей редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. М.: СПАРК, 1995, с. 15.
6. Там же, с. 18.
7. Синдром, с. 402.
8. Московские новости. № 24, 1990, с. 3.
9. Известия, 12 июня 1990, с. 3.
10. Катынь. Март 1940 – сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. (Документы.) М.: Весь мир, 2001, с. 524–526. (Далее – **Расстрел.**)
11. Расстрел, с. 503.
12. Синдром, с. 342–343.
13. *Меньшагин Б.Г.* Воспоминания. Paris, YMCA-Press, 1998, с. 11. (Далее – **Меньшагин.**)
14. Расстрел, с. 523.
15. Синдром, с. 373–374.

Глава 1

Привходящие обстоятельства, мотивы и почерк преступления в Катыни

Хотели как лучшие, а получилось как всегда.
В. Черномырдин

Два раза повторять не имеет смысла

Как я уже писал, это не первая моя работа по Катыни. В узких кругах Польши и России, кормящихся от фальсификации Катынского дела, моя работа хорошо известна, и фамилия моя в трудах геббельсовцев встречается часто. При этом делается все возможное, чтобы обычный читатель не узнал, что в этой работе написано. Вот, к примеру, в Интернете на сайте «Катынь» геббельсовец Ю. Красильников пишет о моей книге «Катынский детектив»: *«Эта книга, по мнению группы польских парламентариев, изложенному спикеру Государственной Думы РФ, «полна лжи и ненависти к Польше и полякам». Вкратце говоря, эта книга рассчитана на людей, которые не в курсе подробностей Катынского дела, и практически все приведенные в ней «доказательства» виновности немцев держатся либо на умолчании фактов, либо на не очень умелом вранье».*

Но так ведь для вас, геббельсовцев, это хорошо: разберите мой «Катынский детектив», расскажите о фактах, которые я замолчал, разберите мое вранье, как я – ваше. Тем более что этот автор заканчивает свою мысль так: *«Вообще же книгу Мухина интересно читать параллельно с каким-нибудь серьезным исследованием Катынской проблемы – сразу становятся заметными все недоговоренности и передергивания в ней, и книжечка эта в итоге может годиться лишь на что-то типа самоучителя на тему «Как не надо лгать».* <http://katyn.codis.ru/>.

Прекрасно, у вас на сайте «серьезные исследования», поместите рядом с ними в десятки раз меньший по объему текст «Катынского детектива» – и вам будет *«интересно читать»*. Однако что угодно на сайте помещают, но только не текст «Катынского детектива».

Академическая часть бригады Геббельса в своем «научном труде» пишет: *«Но, к сожалению, и сегодня в России еще появляются «труды», напрочь отрицающие факт уничтожения польских граждан по прямому указанию советского политического руководства. В наиболее сконцентрированном виде эта позиция изложена в «монографии» Ю. Мухина «Катынский детектив» (М., 1995)».* Но в тексте сопроводительных статей нет ни малейших попыток разоблачить или оспорить доводы моей «монографии».

Получается, что в плане выяснения истины по этому делу, в плане дискуссии с оппонентами я разговариваю с глухими. А русская поговорка учит, что для глухих два раза обедню не служат, следовательно, и мне нет никакого смысла снова вести расследование того, кто именно убил поляков, – я это уже сделал в «Катынском детективе». Нет смысла снова к данному расследованию возвращаться даже с учетом недоработок, имеющихся в «Катынском детективе», и появлением новых фактов по этому делу.

В настоящей книге я займусь очередным в Катынском деле вопросом – мы будем расследовать, как бригада Геббельса фальсифицировала это дело. В ходе этого расследования нам все равно придется рассмотреть практически все факты, доказывающие, что пленных поляков убили немцы, но нам придется несколько по-другому построить расследование. Если бригада Геббельса всегда начинает расследование с момента взятия польских офицеров в плен и

вымышленного расстрела их НКВД (точно так же и я вел расследование в «Катынском детективе»), то теперь мы начнем с 1943 г. – с начала фальсификации этого дела Геббельсом при непосредственном контроле Гитлера. Но сначала рассмотрим несколько обстоятельств, важных для понимания и нынешней обстановки, и обстановки тех времен.

Достаточно одного

У бригады Геббельса «фактов» о том, что пленных польских офицеров убили русские, не просто много, а очень много. А она все ищет и ищет новые «факты». В Генеральной прокуратуре РФ этих «фактов», думаю, уже не менее 160 томов, уже сами следователи не способны упомянуть, какие факты они по этому делу насобирали и кому эти «факты» нужны, тем не менее следователи и прокуроры дело не заканчивают, в суд его не передают, а продолжают и продолжают собирать все новые и новые «факты». Прямо не следствие (оно идет уже 14 лет), а какой-то «перпетуум-мобиле» – безразмерная титка по отсасыванию денег из казны России прокурорской сволочью.

Между тем, если следствие хочет найти истину, то оно поступает не так, оно не запутывает дело никому не нужными «доказательствами», а представляет одно-два доказательства, но весомых – таких, которые невозможно опровергнуть, и таких, которые понятны и тем людям, за счет налогов с которых и содержится все это следствие.

В качестве примера возьмем то, как были проведены следствия для открытых процессов 1937–1938 гг. Из всей имеющейся доказательной базы следствие представило суду единственное – признание всех обвиняемых. И этого доказательства достаточно было тогда и достаточно сегодня. Французский писатель Леон Фейхтвангер, присутствовавший на одном из процессов, так писал о необходимости одного, но весомого доказательства (выделено мною):

«Кроме нападков на обвинение слышатся не менее резкие нападки на самый порядок ведения процесса. Если имелись документы и свидетели, спрашивают сомневающиеся, то почему же держали эти документы в ящике, свидетелей – за кулисами и довольствовались не заслуживающими доверия признаниями?»

*Это правильно, отвечают советские люди, на процессе мы показали некоторым образом только квинтэссенцию, препарированный результат предварительного следствия. Уличающий материал был проверен нами раньше и предъявлен обвиняемым. На процессе нам было достаточно подтверждения их признания... Подробное изложение документов, свидетельских показаний, разного рода следственного материала может интересовать юристов, криминалистов, историков, а наших советских граждан мы бы **только запутали таким чрезмерным нагромождением деталей**. Безусловное признание говорит им больше, чем множество остроумно сопоставленных доказательств. Мы вели этот процесс не для иностранных криминалистов, мы вели его для нашего народа.*

Так как такой весьма внушительный факт, как признание, его точность и определенность, опровергнуть быть не может, сомневающиеся стали выдвигать самые авантюристические предположения о методах получения этих признаний.

В первую очередь, конечно, было выдвинуто наиболее примитивное предположение, что обвиняемые под пытками и под угрозой новых, еще худших пыток были вынуждены к признанию.

...Советские люди только пожимают плечами и смеются, когда им рассказывают об этих гипотезах. Зачем нужно было нам, если мы хотели подтасовать факты, говорят они, прибегать к столь трудному и опасному способу, как вымогание ложного признания? Разве не было бы проще подделать документы?»¹.

И действительно, как вы увидите ниже, бригаде Геббельса документы подделать технически ничего не стоит, ее беда только в том, что у нее для подделки этих документов не хватает мозгов. Но сейчас не об этом. Я хочу еще раз подчеркнуть мысль Фейхтвангера: нормальным людям, да и нормальному суду, обилие малозначащих и сомнительных доказательств ни к чему – человеку достаточно порой одного факта, чтобы понять суть дела или чтобы поверить

в виновность или невиновность. Мне, чтобы понять, что поляков расстреляли немцы, тоже достаточно было одного факта, но обо мне ниже.

Когда я писал «Катынский детектив», мне пришлось в Алма-Ате разговаривать с одним полковником КГБ, который, как оказалось, об этом деле что-то слышал по своей линии, причем тогдашний председатель КГБ Крючков и среди своих работников уже распустил слух, что поляков убил НКВД, а те своему начальнику, естественно, тогда верили. Я, полагая, что полковник должен быть знаком хотя бы с основными доказательствами по Катынскому делу, начал излагать ему косвенные моменты, которых он, по моему мнению, мог не знать. Он слушал меня со все нарастающим раздражением на лице, а потом прервал: «Не надо этой чепухи. Скажи сразу – из какого оружия убиты поляки, и все станет ясно». То есть для него, профессионала по расследованию преступлений, это обстоятельство было главным и по сравнению с ним остальные доказательства мало что стоили, – чьим оружием поляки были убиты, тот и убийца! Одного доказательства достаточно. Поняв, что Крючков своих работников подло дезинформировал, я не стал спешить: «Но ведь немцы уже захватили горы нашего оружия, поэтому они вполне могли убить поляков и из наганов». Почувствовав мою «слабину», полковник еще больше взбодрился: «Не надо увиливать – из чьих пистолетов они были убиты: наших или немецких?» Пришлось ему ответить: «Из немецких пистолетов калибра 7,65 и 6,35 мм патронами немецкой фабрики «Геко». У полковника от удивления вытянулось лицо...

То есть для человека основным и убедительным доказательством часто является то, с чем он свыкся, то, что он считает безусловным. А мы, русские, столь отличаемся от поляков и вообще от людей Запада, что просто не учитываем, что для них главным доказательством по этому делу является то, о чем мы, в силу своей национальной особенности, просто не подумаем. Вот об этой разнице в национальных образах мысли стоит специально поговорить.

Образ мыслей русского человека и человека Запада

Следует обратить внимание и помнить, что территория России по климатическим и географическим условиям заселялась позже, чем остальная Европа и юг Азии. Посмотрите на карту: за столетия движения на восток Россия почти не приобрела земель, более удобных для жизни человека, чем, скажем, Киевская, Харьковская, Рязанская или даже Московская области. Крым, немного земель на юге Средней Азии да немного на Дальнем Востоке. Все остальное – огромный холодный континент с резко континентальным климатом и с очень суровыми условиями жизни. Если вы посмотрите на карту Канады, то не найдете там сколько-нибудь крупных городов севернее 53-градусной широты. А у нас за этой параллелью не только Ленинград, Москва, Свердловск и Новосибирск, но и Казань, и Рязань, и Тула, и Минск.

Северная граница США (без Аляски) проходит по широте намного южнее Киева, Вашингтон построен примерно на одинаковом расстоянии между северной и южной границами США, но и он расположен на такой широте, что Ташкент по сравнению с ним город северный. Кроме того, и США, и Канада омываются двумя океанами, в этих странах очень мягкий климат. Сейчас у нас показывают много американских фильмов, и можно обратить внимание на стены индивидуальных домов американцев, да и вообще, как эти дома построены. В большинстве случаев они деревянные, но не в нашем понимании – они не из бревен. Стены – из досок внахлест. У нас так не каждый хозяин рискнет построить холодный сарай. Но их климат им это позволяет.

Пустыньность России предопределяла, что на протяжении многих веков Россия хронически испытывала недостаток в людях. Кроме того, известно, какие опустошения среди русского населения производили кочевники – предки наших еще недавних братьев, а теперь суверенных соседей. Хоронить не успевали, приходилось трупы топить в реке, что для набожных русских невероятно. Ведь Дмитрий Донской после победы над Мамаем не побегал радостный в Москву, а стоял «на костях» на Куликовом поле, пока всех не предал земле. Несколько позже, когда новый хан Орды Тохтамыш обманом взял и сжег Москву, Дмитрий приказал подобрать и похоронить убитых. За это он платил по рублю за погребение 80 трупов, издержав на это 300 рублей. То есть только незахороненных трупов, трупов, у которых не осталось ни родственников, ни знакомых, Тохтамыш оставил в Москве 24 000 за один набег. А сколько похоронили родственники? А сколько он увел с собой?

Если к началу шестнадцатого века в германских княжествах и в Италии жило уже по 11 миллионов человек, во Франции 15 миллионов, то к концу семнадцатого века население России составляло всего 4,8 миллиона человек, да плюс 0,8 миллиона в присоединившейся Левобережной Украине. А у Речи Посполитой и без Украины на тот момент население составляло 11,5 миллиона.

Людей катастрофически не хватало, и люди очень ценились. Их зазывали в Россию практически на протяжении всей ее истории, применяя порой комические способы.

Например, после упоминавшегося уже взятия Данцига пленных французов, присланных в помощь Лещинскому, вывезли в Россию в, так сказать, лагерь для военнопленных. Война кончилась, пленным предстояло организованно доставить в балтийские порты и вернуть французской короне. Но императрица Анна Иоанновна, упреждая это, посылает в лагерь знающего французский флотского капитана Полянского с тайным приказом коменданту помочь пленным бежать из лагеря, «...понеже из них есть мастеровые люди, и буде они будут уходить, то тот их побег к лучшему нашему интересу воспоследует, чего ради не токмо б их от того удерживать, но еще по крайней возможности в том им способствовать и к тому приговаривать...»². Императрица считала, что если они побегут во Францию неорганизованно, то мно-

гие из них по дороге останутся в России, да и знающий французский Полянский должен был послужить агитатором в деле прибавления населения России.

Приглашали в Россию жить всех, кого можно было. Греков, сербов, немцев – национальность не имела значения. Любимец Петра I негритенок Абрам, обучившись во Франции, стал генералом инженерных войск русской армии. Наверняка на первых порах всех удивляло, что он черный, но, что он русский генерал, вряд ли русским казалось необычным. Кстати, его внука – А.С. Пушкина – недоброжелатели из высшего света шельмовали как могли, но никому в голову не могло прийти оскорбить его тем, что он «нигер». Русские бы просто не поняли, в чем тут оскорбление.

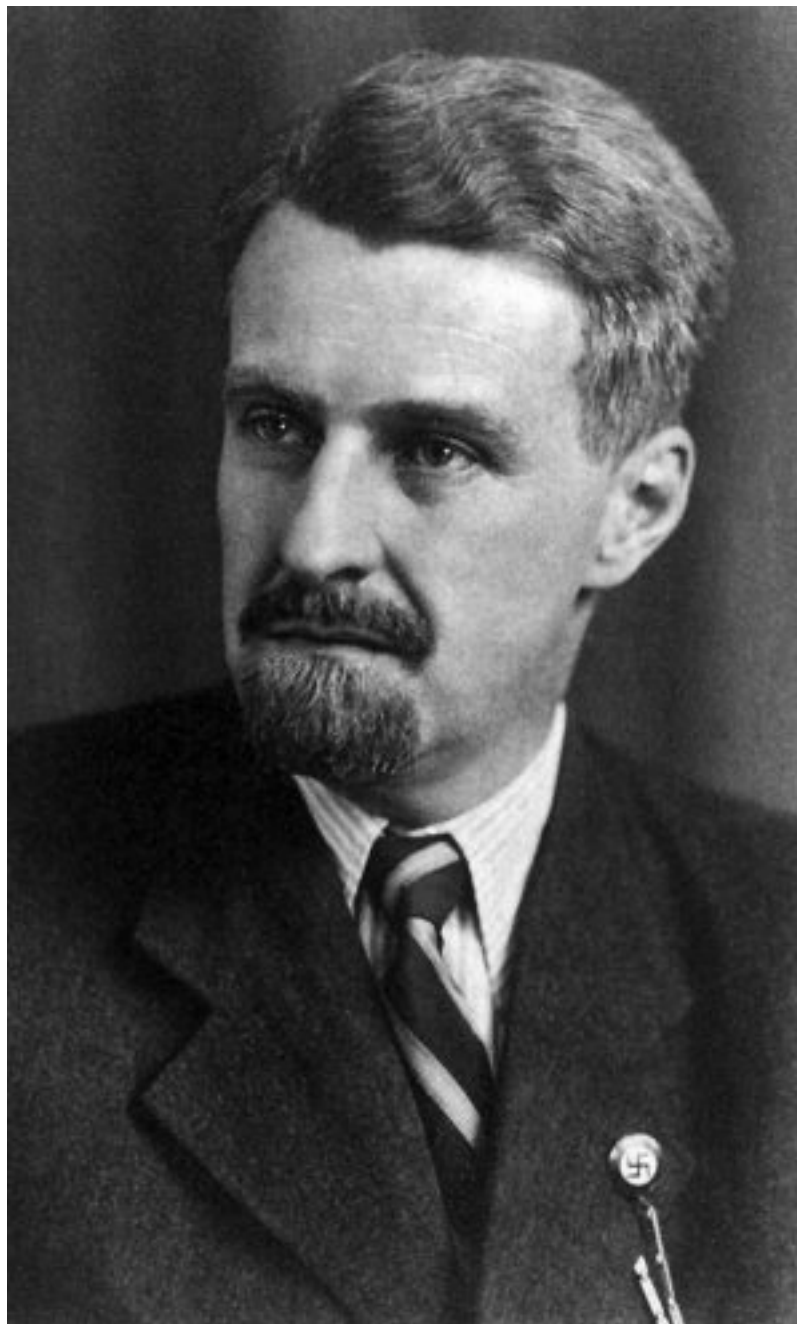
Вот эта ценность человека как такового определяла ценность его жизни вне зависимости от того, кто он был. Убийство пленного было экономическим идиотизмом, а не просто грехом. Пленных берегли, это была самая ценная добыча – ясак, – но берегли не для рабства, а для заселения пустынных земель. Взятые в плен на западе поляками, литовцами, немцами заселяли восток, и в дружине Ермака, шедшего усмирять сибирского хана Кучума, до половины казаков были именно такими бывшими пленными. Да о чем говорить – сама Москва началась с поселения пленных венгров.

Сохраняя пленному жизнь, русские не делали его рабом, а ставили в равное с собой положение. На огромной территории Сибири и по сей день живут народы, которые в момент заселения этого края русскими насчитывали едва несколько сот человек с культурным уровнем тогдашнего индейца. Тем не менее эти народы живы и многочисленны до сих пор, в отличие, скажем, от североамериканских индейцев. Кроме того, после прихода в Сибирь русских эти народы никогда не были рабами, и даже крепостное право за Уралом никогда не устанавливалось.

Это особый русский образ мыслей, непонятный Западу и презираемый им. Русские не только никогда не убивали пленных, но даже не делали из них источника доходов, поскольку русский образ мыслей, русский менталитет не позволял это делать.

В Первую мировую войну уже к 1916 году в армию было призвано 14 миллионов крестьян, село осталось без работников самых производительных возрастов. С.Г. Кара-Мурза пишет об этом: *«В 1915 г. правительство, чтобы смягчить нехватку рабочей силы, стало распределять по хозяйствам военнопленных (всего 266 тысяч) за небольшую плату. Их охотно брали кулаки и помещики. А крестьяне отказывались, как они говорили, «пользоваться дешевым подневольным трудом военнопленных». В центре России в среднем на 1000 работников у крестьян работало 3 военнопленных, а у частных владельцев – 270!»*³.

Ко Второй мировой войне мало что изменилось. Уже упомянутый исследователь советских лагерей для военнопленных австрийский историк С. Карнер пишет: *«Несмотря на принятые меры к использованию контингента осужденных военнопленных, лагеря до самого их расформирования оставались убыточными»*⁴. Т. е. не в менталитете русских было заставлять пленных работать столько, сколько они сами работают, а тем более – больше себя. В главе «Корректировка образа врага» С. Карнер пишет: *«Важным моментом для тех, кто был вынужден работать в Советском Союзе, был контакт с русским гражданским населением. Опыт совместной работы в промышленности, сельском хозяйстве и на шахтах в большинстве случаев вносил существенные изменения в образ «русского», созданный нацистской пропагандой. В особенности резко пропагандистскому образу врага противоречат взволнованные, доброжелательные рассказы бывших военнопленных о жизни и о значении русской женщины в семье и в обществе, а также о «простых русских». В памяти многих навсегда остались и каша, которой с ними делились русские, и предложенная папироска или еще какой-нибудь поступок – все это создавало новый для многих образ «русского», который даже в экстремальной ситуации, будучи сам на грани жизни и смерти, когда нет ничего лишнего, делится последним»*⁵.

Конрад Лоренц, немецкий военнопленный

Примерно о том же пишет С.Г. Кара-Мурза в другой своей книге, передавая рассказ не простого немца, а лауреата Нобелевской премии.

«Да вот маленький эпизод: рассказ Конрада Лоренца в изложении его английского биографа А. Нисбетта о том, как он попал в плен под Витебском в июне 1944 года. Он брел ночью, стараясь выйти из окружения и ориентируясь по направлению огня советских войск. После того, что он видел в оккупированных областях Белоруссии, попадать в плен к русским ему не хотелось. Наконец впереди показалась траншея, откуда стреляли по русским. Значит, там немцы. Биограф пишет:

«...Он побежал к ней, крича: «Nicht schissen! Deutscher Soldat!» – и люди в траншее прекратили огонь. Глубоко вздохнул и подбежал к траншее – и тут увидел, что на солдатах, которые его приветствовали, советские каски. Русские стреляли друг в друга. Опять бросился

бежать, пуля ударила ему в левое плечо. В конце концов оказался на пшеничном поле и, не выдержав напряжения, заснул. Разбудили его советские солдаты, которые кричали: «Komm heraus, Kamerad!» («Выходи, приятель!») «Со мной обошлись очень хорошо», – вспоминает Лоренц. Один из солдат, который был в последней траншее, узнал его и объяснил, что произошло: русские сделали бросок, чтобы не дать немцам просочиться из окружения, и концы клещей сомкнулись так быстро, что люди не разобрались и начали стрелять друг в друга.

...В лагере для военнопленных советские не проявили враждебности к Конраду... По его мнению, советские никогда не были жестокими по отношению к пленным. Позже он слышал ужасающие рассказы о некоторых американских и особенно французских лагерях, в то время как в Советском Союзе не было никакого садизма. Лоренц никогда не чувствовал себя жертвой преследования, и не было никаких признаков враждебности со стороны охранников».

Вообще, записки Лоренца о плене очень поучительны – он видел у нас то, чего не видели и не понимали мы сами. Людям свойственно судить по внешним признакам, и слишком часто мы не видим того ценного, что имеем. На фронте Лоренц был врачом, и когда его взяли в плен, то в прифронтовом лагере назначили помогать советскому врачу. Шли тяжелые бои, раненых было много, и Лоренц с горечью увидел, что советский врач отказывается делать ампутации немцам. Понятно, подумал Лоренц, он их обрекает на смерть – за то, что они натворили в Белоруссии. И даже признал это естественным. Через какое-то время он с удивлением увидел, что эти раненые, которым по нормам немецкого врача полагалась ампутация, выздоравливают. Он выбрал момент, объяснился с врачом и узнал, что в советской медицине такие ранения должны излечиваться без ампутации. Для него это было потрясением, побудившим к важным размышлениям о разных типах общества и отношении к человеку. Правда, английский биограф к этому рассказу дал свой комментарий, который никак из рассказа Лоренца не следовал. Он объяснил это отличие советского подхода к ампутации тем, что русские привыкли жить в грязи, и поэтому их раны устойчивы против нагноения. Это объяснение нелогично, поскольку в лагере для пленных вылечивались без ампутации нежные цивилизованные немцы»⁶.

Я пишу это вот зачем. Представим себя в 1940 г., когда мы, русские, еще ничего не знали о том, какой на самом деле этот «культурный, гуманный и цивилизованный Запад». И представим, что нам бы сообщили, что советские пленные где-то в Польше или в Германии убиты. Какова была бы реакция русских людей на такое сообщение? В те годы в это никто бы не поверил: ведь все судят по себе. Раз мы не убивали пленных, то как поверить в то, что кто-то это сделал?

А вот у Запада, к которому имеет сомнительную честь принадлежать и Польша, менталитет другой. Европа без СССР перенаселена уже очень давно, уже очень давно люди там мало чего стоят. Оттого на Западе и столько крику о приоритете человеческой жизни над всеми ценностями, что на самом деле западный человек чужую человеческую жизнь в грош не ставит.

Даже сегодня многие русские изумляются, глядя, как армии США и НАТО, трусливо уклоняясь от боя с противником, безжалостно бомбят мирное население не только в Азии или в Африке, а уже и в центре Европы. А удивляться здесь нечему – это менталитет Запада. Вот, к примеру, май 1940 г. – начало боевых действий между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой. 10 мая немецкие войска атакуют позиции союзников во Франции, а 11 мая английская авиация наносит массированный бомбовый удар не по немецким войскам, а по мирным жителям немецкого города Фрейбург⁷. И далее всю Вторую мировую войну англосаксы вкладывали в тяжелые бомбардировщики больше средств, чем в остальные рода войск, и бомбили, и бомбили мирное население Германии и Японии, закончив это сбросом атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки. Они уверяют, что делали это для подрыва экономики противника, но еще Фуллер показал, что эти бомбардировки не только не снизили роста вооружений Германии, но не снизили и темпов этого роста. Единственный результат этой «цивилизован-

ной» войны: «3600 тыс. домов было разрушено или сильно повреждено, что составило 20 % всего жилого фонда Германии, 7,5 млн человек осталось без крова, около 300 тыс. было убито и 780 тыс. человек ранено»⁸.

Несколько выше Конрад Лоренц рассказывал, как жестоко относились к немецким военнопленным во французских и американских лагерях. Лоренц, видимо, не знал, что немецкие статистики не могут найти 1 млн немецких военнопленных, которые в плен сдались, но домой не вернулись⁹. Стефан Карнер, хотя и свел баланс немецких военнопленных в СССР, тем не менее, как истинно западный человек, приписывает этот миллион убитых немцев нам – дескать, это кровожадные русские их убили. Я не против, чтобы нам приписали еще миллион поверженного противника, но все же не решаюсь, поскольку Карнер в конце книги в примечаниях в конце концов написал: «В связи с этим следует упомянуть дискуссию о «потерянном миллионе» немецких военнопленных. Джеймс Бак (James Bacque) и другие авторы полагают, что они погибли в американском и французском заключении, прежде всего в лагерях «Рейнвицен» (лагеря, находившиеся на берегах Рейна)»¹⁰.

И думаю, что в этой дискуссии Д. Бак все же прав – этих немцев прикончили французы с американцами, это на них похоже: вполне по-европейски.

Поляки, повторю, вполне западные люди, и им в удовольствие убить безоружных и беззащитных, а шляхта этим даже хвастается, как вы видели в первой части этой книги. Пока Польша считалась нашей сестрой, об этой особенности поляков советская пропаганда молчала, но сегодня наконец об этом пишет не только С. Куняев, но и прорежимная пресса России:

«Массовые расстрелы российских пленных в 1919–1920 гг. – это не пропагандистская выдумка, как стремятся представить дело некоторые польские СМИ. На сей счет имеются свидетельства самих поляков. Так, А. Велевский в популярной «Газете выборчей» (от 23 февраля 1994 г.) писал о приказах генерала Сикорского (будущего премьера) расстрелять из пулеметов 300 российских военнопленных, а также генерала Пясецкого не брать живыми в плен российских солдат. Есть информация и о других подобных случаях.

*На основании имеющихся документов можно сделать следующие подсчеты: всего в польском плену оказались не менее 120–130 тыс. человек. Из них репатрировались только 69 тыс., перешли в «белые» формирования 5 тыс., остались в Польше на постоянное место жительства – 1 тыс., умерли в лагерях – получается огромная цифра: 50–60 тыс. чел.»*¹¹.

Ко Второй мировой войне поляки ни на грамм не изменились. Вот строки из уже цитированного мною доклада И. Серова от 5 марта 1945 г.:

«Со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам. Имеется много фактов, когда взятых в плен немецких солдат и офицеров не доводят до сборных пунктов, а расстреливают их по дороге. Например: на переднем крае 2-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии было захвачено 80 немецких солдат и офицеров. При конвоировании их на сборный пункт к месту доставлено всего лишь два военнопленных, остальные расстреляны. Оставшихся двух военнопленных успел допросить только командир полка, когда же он отправил их на допрос к своему помощнику по разведке, то по пути и этих двух расстреляли.

*Зам. по политчасти командира 4-й пехотной дивизии подполковник Урбанович в присутствии офицера разведотдела дивизии расстрелял девять военнопленных, добровольно перешедших на нашу сторону»*¹².

А вот теперь представьте, что весной 1940 г. от польских пленных офицеров в советских лагерях перестали приходить письма. Для нас, русских, это ничего не значит, поскольку в те годы наказание лишением свободы очень часто сопровождалось наказанием в виде лишения права переписки. Нам и в голову не придет, что сидящий в лагере заключенный убит. А поляку?

Повторюсь, что нормальному человеку хватает одного, но веского доказательства. Но что может быть весомее для поляков, без колебаний убивающих беззащитных, чем то, что от пленных нет писем? Раз их нет, значит, русские их убили, поскольку сами поляки такого бы случая убить не упустили. Поэтому вся эта книга для Польши и поляков бесполезна – им и так все ясно. Честный вору поверит, вор честному – никогда!

Пятая колонна

Есть еще одно обстоятельство, которое следует разобрать прежде, чем подойти к расследованию геббельсовских фальсификаций. С течением времени и под воздействием пропаганды резко меняются приоритеты в обществе. Раньше молодые и даже хорошо образованные люди не знали, что означает французское слово «минет», но зато все знали, что означают слова «пятая колонна». Сегодня все наоборот: мне не раз приходилось сталкиваться с достаточно образованными людьми, для которых слова «пятая колонна» – пустой звук. Поэтому придется задержаться на рассмотрении этого понятия.

Восходит оно ко времени начала гражданской войны в Испании в 1936 году. В середине 30-х годов в Испании обычным парламентским путем победили левые партии и начали ряд социальных преобразований, в частности аграрную реформу. Капиталистическому (само название – «свободному») миру это крайне не понравилось, и этот мир подбил на мятеж испанскую армию. Мятеж начался в Иберийском Марокко, затем мятежные войска высадились собственно в Испании и двинулись на Мадрид четырьмя колоннами. В это время сторонники мятежников в республиканском правительстве Испании и в его войсках подняли восстание против республики в поддержку мятежников. Командовавший мятежной армией генерал Франко назвал этих предателей республики своей пятой колонной. С тех пор этот термин прочно вошел в обиход для названия предателей внутри какой-либо страны или организации. Что касается Испании, то там мятежники победили в 1939 г. в ходе кровавой войны благодаря этой «пятой колонне», которая, кстати, включала в себя троцкистов, которых было много и в СССР.

Это не значит, что такого явления, как предательство и поддержка врага, до испанских событий не было. Оно было всегда, просто Франко дал этому явлению принятый миром термин. (Правда, иногда «пятую колонну» называют «квислингами» по имени предателя норвежского народа, сторонника нацистов Квислинга, но испанское имя все же более употребительно.)

Раньше «пятую колонну» в своей стране ненавидели жители всего мира и с ней обязательно вели жестокую борьбу: если не могли обезвредить ее до войны, то уж с началом войны с нею расправлялись обязательно (если успевали).

Так, например, изобретателями концлагерей смерти считаются англичане, которые создали их еще в начале прошлого века в ходе англо-бурской войны в Южной Африке. В эти лагеря заключали семьи буров – борющихся с Британией голландских колонистов этого государства. Семьи буров заключали в лагеря, чтобы лишить войска буров разведывательных данных и продовольствия. И это не прихоть, не какая-то особая злобность английского правительства: вы просто прикиньте, сколько жизней британских солдат, да и жизней самих буров, вынужденных сдать, было сохранено этой мерой. Это долг, это обязанность каждого правительства, действительно заботящегося о своем народе.

Французы в этом плане еще более решительны. Когда в начале Первой мировой войны немцы подошли к Парижу, то французы безо всякого суда, просто по указанию агентов парижской полиции, всех воров, мошенников и даже хулиганов расстреляли во рвах Венсеннского форта¹³. Ко Второй мировой ничего не изменилось, с ее началом во Франции были арестованы и помещены в лагеря все немцы, даже антинацисты, и все подозрительные по связям с ними.

То же было и в Великобритании. «Пятую колонну» нацистов отслеживали. Черчилль пишет: *«Было известно, что в то время в Англии имелось двадцать тысяч организованных германских нацистов. Яростная волна вредительства и убийств как прелюдия к войне лишь соответствовала бы их прежнему поведению в других дружественных странах»*¹⁴. На самом деле Черчилль имеет в виду только собственно английских сторонников Гитлера, организо-

ванных в партию «Британский союз фашистов» миллионера Освальда Мосли. Членство в этой партии было тайным, но полиции было известно, что в ней около 400 низовых организаций численностью в среднем по 50 человек¹⁵.

Вслед за ними в лагерь отправились 74 000 выходцев из стран, враждебных Великобритании¹⁶, а своим болтунам и паникерам англичане заткнули пасть железной рукой: «Граждане Великобритании тоже подвергались драконовским наказаниям. 17 июля 1940 года один человек был приговорен к месяцу тюрьмы за то, что прилюдно заявил, что у Великобритании нет шансов победить в этой войне. Человек, посоветовавший двум новозеландцам: «Какой вам смысл погибать в этой кровавой бойне?» – получил три месяца тюрьмы. Женщина, назвавшая Гитлера «хорошим правителем, лучшим, чем наш мистер Черчилль», была приговорена к пяти годам тюремного заключения. Английские газеты получили предупреждение остерегаться опрометчивых высказываний. Редакторам весьма недвуслышенно дали понять, что правительство не потерпит «безответственной» критики; причем оно само будет решать, какая критика ответственная, а какая нет»¹⁷, – жалуется Лен Дейто^Н.

Ни в какой мере не собирались терпеть у себя «пятую колонну» и американцы. После нападения Японии на США газета «Los Angeles Times» в редакционной статье писала: «Гадюка остается гадюкой, где бы она ни снесла свое яйцо. Так и американец, рожденный от родителей-японцев, вырастает для того, чтобы стать японцем, а не американцем» (цит. по газете «Workers World», Nov. 29, 2001, p. 5). Грубо, но опасение американцев передает точно. Через полтора месяца после начала войны США с Японией Рузвельт приказал и американская армия задержала и посадила в лагерь всех американских граждан с японской кровью, причем, чтобы попасть в лагерь, такой крови хватало и $\frac{1}{8}$. Таких было 112 тысяч человек¹⁸.

Так поступают все правительства, служащие своему народу, а народы с правительствами, которые «пятую колонну» не дают, дорого за это расплачиваются. В Норвегии, к примеру, в момент высадки немцами десанта «пятая колонна» парализовала работу государственного аппарата и не дала провести мобилизацию, Квислинг выступил по радио как глава нового правительства, вызвав замешательство в стране и армии. Норвежская армия отдала слабому немецкому десанту Норвегию почти без боя¹⁹. Да что нам Норвегия, мы что – не видели, как Запад разрушил и ограбил СССР? Если бы у Брежнева хватало ума и воли репрессировать всех этих горбачевых, яковлевых, шеварднадзе, кравчуков и их пособников, то советский народ сегодня даже в материальном плане жил бы минимум в четыре раза богаче, чем живет сегодня.

Это прикинуть не очень сложно. По данным «Российского статистического ежегодника», в 1990 г. в Советской России проживало 148 млн человек²⁰, а валовой внутренний продукт составлял 1102 млрд. долларов США (число занижено, но возьмем его – официальное!)²¹. На душу советского населения Советской России приходилось 7446 долларов. А в Южной Корее в этом же 1990 г. – 5917 долларов²². То есть средний гражданин РСФСР был богаче среднего южного корейца на 26 %. А в 1993 г. средний душевой валовой продукт ограбляемой «пятой колонной» России составил 1243 доллара – в шесть раз ниже, чем в 1990 г., и уже в шесть раз ниже, чем в Южной Корее в 1993 г.! По данным ЦРУ (теперь уже завышенным), в 1999 г. душевой валовой продукт России – 4200 долларов²³, а Южной Кореи – 13 300²⁴. Если бы Россия оставалась советской и в составе СССР, то нет оснований полагать, что соотношение 1990 г. сильно бы изменилось не в пользу СССР. То есть сегодня у среднего российского гражданина душевой валовой внутренний продукт был бы на четверть выше, чем у Южной Кореи, или в пределах 16 000 долларов, а это в четыре раза больше, чем сегодняшние 4200. Надеюсь, понятно, за что ни в одной стране «пятую колонну» не любят?

А перед Второй мировой войной правительство СССР было истинно народным и допустить безнаказанное существование в СССР «пятой колонны», естественно, не могло. Амери-

канский посол в СССР в 1937–1938 гг. Джозеф У. Девис после нападения Германии на СССР записал в своем дневнике (7 июля 1941 г.): «...Сегодня мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские органы действовали повсюду, даже в Соединенных Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организаций Гелена. То же самое происходило в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (Дегрелль)... Однако ничего подобного в России мы не видим. «Где же русские пособники Гитлера?» – спрашивают меня часто. «Их расстреляли», – отвечаю я. Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило советское правительство в годы чисток»²⁵.

Увы, Девис перехваливает советское правительство: да, «пятая колонна» была разбита, но полностью уничтожить ее к началу войны не успели. Мощнейший ущерб обороноспособности нанес впоследствии прощенный будущий маршал Мерецков, грубо искаживший мобилизационный план СССР, в связи с чем Красная Армия вошла в войну с недостатком автотранспорта, дивизионной артиллерии и пр. Предвоенные руководители ВВС оставили авиацию Красной Армии без радиосвязи и, соответственно, без наработанных способов управления авиацией в бою. Предатель, командующий Западным фронтом, генерал Павлов со своим штабом подставил под удар немцев в Бресте три дивизии, не привел войска фронта в боевую готовность, что предопределило тяжелейшие потери советских войск на направлении главного удара немцев в 1941 г.²⁶. Потери советского народа от вредительства этих бойцов «пятой колонны» должны исчисляться в миллионах человек.

Генерал-майор вермахта и бригаденфюрер СС Б.В. Каминский с бойцами Русской освободительной народной армии

Можно вспомнить и мелких фигурантов. Выше я уже писал об инженере Каминском, создавшем для немцев бригаду СС, «отличившуюся» при штурме Варшавы в 1944 г. А ведь Каминского перед войной вычислили как члена «пятой колонны» и даже посадили, но нена-

долго – перед войной он был освобожден²⁷. Оцените, во сколько тысяч человек убитых советских солдат и поляков обошлась СССР и Польше эта «гуманность» советского суда. Насколько гуманнее для советского народа было бы уничтожение Каминского и его добровольцев еще до войны, а не тогда, когда немцы уже вооружили их.

В СССР членов «пятой колонны» искали и обезвреживали, разумеется, непрерывно, начиная с Гражданской войны. Высшая мера наказания по государственным преступлениям в СССР имела две категории: первая – расстрел, вторая – высылка за границу. Долгое время, вплоть до начала 30-х годов, «пятую колонну» стремились выслать за границу²⁸.

Но затем к власти в Германии пришел откровенный враг СССР Гитлер, и высылка «пятой колонны» за границу начала принимать вид мобилизации для Гитлера иностранных легионов. Членов «пятой колонны» начали сажать, а когда в 1936–1937 гг. верхушка «пятой колонны» попыталась совершить переворот с целью последующего расчленения СССР, то верхушку уничтожили и провели то, что американский посол Девис назвал «чисткой» страны. Советское правительство не могло не понимать, что при таком количестве «генералов пятой колонны», осужденных на открытых процессах в Москве, в стране должны были быть десятки тысяч офицеров и солдат армии предателей.

Ликвидировали эту армию так. Ни народным судам, ни военным трибуналам, надежность которых из-за их многочисленности проверить было нельзя, репрессии «пятой колонны» не доверили. Были созданы специальные суды из людей, в честность и порядочность которых, казалось бы, можно было верить. Суды эти состояли из трех человек и назывались тройками. Укомплектована тройка была высшими руководителями республики или области, в которой она создавалась. Сначала члены тройки, судя по некоторым данным, назначались персонально, но в их состав обязательно входил секретарь обкома и начальник НКВД, а затем их состав был определен в виде должностей: председателем был начальник Управления НКВД области (нарком республики); членами – первый секретарь обкома (ЦК республики) ВКП(б) и прокурор области (республики). Тройкам предлагалось рассмотреть имевшиеся в НКВД дела на лиц, подозрительных по принадлежности к «пятой колонне», и осудить их. При этом приказом наркома ВД Н. Ежова тройки ограничивались в репрессиях предельным количеством членов «пятой колонны», выше которого они не имели права осуждать, и ориентировочным количеством изменников, которых тройки имели право осуждать к расстрелу.

Однако беда была в том, что члены «пятой колонны» редко были рабочими или крестьянами, ведь все изменники – это, как правило, люди, жаждущие власти, славы или денег, которые опять-таки дает власть. Члены «пятой колонны» обсели партийные, судебные, прокурорские и следственные органы, т. е. положение было точно таким же, как и сегодня в России. И члены троек во многом были скомплектованы именно «пятой колонной». В результате достаточно большому количеству членов «пятой колонны» от репрессий удалось ускользнуть, но зато вместо них тройками было осуждено большое количество либо невиновных, либо тех, кого не следовало репрессировать. Когда правительство СССР это поняло и когда наконец поставило во главе НКВД Л. Берия, то тройки были упразднены, а против многих членов этих троек были возбуждены уголовные дела, закончившиеся расстрелом этих судей. Кстати, первый секретарь Московского горкома ВКП(б) Н. Хрущев набивался в члены этой тройки, но его почему-то не включили, возможно, из-за занятости. Поскольку при Берии практически всех членов московских троек расстреляли, то, конечно, жаль, что Хрущева не было в их числе. Без Хрущева история СССР была бы другой, более светлой. Но вернемся к теме.

Сначала нам нужно было бы оценить количество подпавших под репрессии, но сделать это непросто. Дело в том, что когда в годы перестройки «пятая колонна» разрушала СССР, то она заявляла и 40, и 60 миллионов расстрелянных в «годы репрессий», т. е. в 1937–1938 гг. Поэтому геббельсовцы выдают из архивов цифры разрозненные, кусками, чтобы невозможно было представить общую картину. Так, к примеру, в 1997 г. даже обществу «Мемориал» –

боевому отряду «пятой колонны» – были даны цифры репрессий не по всему СССР и даже не по всему РСФСР, а лишь по части областей и республик²⁹. Но, найдя численность этих регионов в других источниках³⁰, я произвел соответствующие расчеты и получил, что репрессиям планировалось подвергнуть в среднем менее двух человек из тысячи населения, из которых расстрелять менее 5 человек из десяти тысяч. Пересчитанные на весь СССР, эти числа выглядят как примерно 340 тысяч репрессированных, из которых расстреляно около 80 тысяч.

Как я только что написал выше, в Великобритании была репрессирована «пятая колонна» численностью примерно в 94 тысячи человек, а при населении Великобритании того времени в 47 млн это тоже составляет 2 человека на 1000 жителей. В США, при населении в 140 млн, это число менее 1, но надо понимать, что ни США, ни Великобритания не испытали накануне потрясений, связанных с Гражданской войной и обобществлением земли, и там, конечно, потенциально злобных противников было меньше.

Следует учесть еще два момента. Приказ наркома внутренних дел Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г., задающий число подлежащих репрессиям членов «пятой колонны», требовал: *«3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самостоятельные увеличения цифр не допускаются.»*

*В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства»*³¹.

И такие ходатайства подавались и удовлетворялись. Кроме того, в это же время страна чистилась и от немецкой, польской и японской разведывательно-диверсионных сетей: арестовывались немцы, поляки и харбинцы, подозреваемые в членстве в «пятой колонне». Поэтому фактическое число репрессированных должно быть больше, чем ожидалось в первоначальном приказе Ежова.

Но какие конкретно были итоговые цифры, нынешняя «пятая колонна» до сих пор скрывает. Мне уже приходилось делать прикидку по данным (возможно, преувеличенным), сообщенным бывшим бургомистром Смоленска при немцах Меньшагиным. Экстраполируя данные Смоленской области на весь СССР, получаем общее число репрессированных по стране в 960 тысяч человек³². Из которых было расстреляно (если пропорция, заданная в приказе Ежова, сохранилась) около 240 тысяч. Эта цифра также подтверждается экстраполяцией по Москве и Московской области, в которых число репрессированной «пятой колонны» задавалось в приказе в 35 000 человек, а это более 10 % всех репрессированных по Советскому Союзу. Всего с 1935 по 1953 г. в Москве и Московской области было расстреляно (причем часть и из других мест СССР) 27 508 человек, в 1937–1938 гг. – 20 675 человек³³. Если экстраполировать это число на весь СССР, то получится, что с 1935 по 1953 год в СССР было расстреляно около 270 тысяч человек, а в 1937–1938 гг. примерно 210 тысяч.

Следует добавить, что в США и Англии в число репрессированных членов «пятой колонны» входили и граждане национальности противника. В СССР таких не сажали ни в лагеря, ни в тюрьмы – их просто переселяли на Восток. Вы уже видели, что именно так поступили с семьями польских офицеров, когда Польша объявила СССР войну, – их не стали, как семьи буров, сажать в лагеря, а, затратив изрядные деньги, переселили. В результате получился итог, довольно обидный для русских, украинцев, белорусов и многих других народов СССР. Именно эти народы вынесли на своих плечах всю тяжесть войны с немцами, их погибло на фронтах и под оккупацией свыше 26 миллионов, у них случился в 1941–1945 гг. страшный демографический провал, отзвывавшийся и сорок лет спустя. А в это время советские немцы плодились на Алтае и в Казахстане. И если их в 1939 г. в СССР было 1,2 млн, то уже в 1959 г. стало на треть больше – 1,6 млн³⁴.

И, наконец, интересен итог чисток. Поскольку по предателям и изменникам в «пятой колонне» его трудно выразить в числах, то давайте сделаем сравнение по уголовникам. 10 июля 1937 г. Хрущев сообщил в ЦК ВКП(б), что в Москве и Московской области учтено 33 436 уголовников, особо опасные из которых тоже репрессировались вместе с «пятой колонной». Хрущев запросил репрессировать из общей массы уголовников 11 772 человека, из которых просил расстрелять 6000³⁵. Мне неизвестно, что решило ЦК, поскольку в последовавшем приказе Ежова от 25 июля Хрущеву разрешалось репрессировать всего 35 000 человек, из которых расстрелять не более 5000. Как бы то ни было, интересен итог такой борьбы с уголовной преступностью.

В 1998 г. в России с около 140 млн населения в результате преступлений погибло 64 545 человек, 81 565 ранено³⁶.

Через три года генерал-полковник Л. Ивашов сообщил: «...в минувшем, 2001 году в результате убийств погибли 83 тыс. человек, десятки тысяч скончались позже в больницах после покушений на их жизнь, около 70 тысяч сгинули без вести»³⁷.

А в 1940 г. (после «чистки» 1937–1938 гг.) при численности населения в 190 млн человек в СССР было всего 6549 убийств³⁸. Если сегодня повторить репрессии 1937 года и добиться показателей 1940-го, то только в плане уголовной преступности убыль населения с лихвой компенсируется через 5 лет за счет сохранения жизни порядочных людей. Но ведь еще будет прекращено разворывание и разрушение России, а это ведь тоже немало.

Что еще важно вам, читателям на месте судей, отметить и запомнить. Если в США и Великобритании репрессии проводились без разбора – раз дедушка японец, значит, в лагерь до конца войны, – то в СССР ни один человек не попадал ни в лагерь, ни к стенке без тщательной оценки его личной опасности для общества. Никого не сажали и не расстреливали только лишь потому, что он поляк, что он офицер и что он немец. Из обращения Хрущева в ЦК ВКП(б) вы видели, что даже уголовников намечали к репрессированию не всех, а только тех, о ком НКВД имело данные, что они не раскаялись. По крайней мере, и ЦК ВКП(б), и нарком НКВД Н. Ежов в своих приказах требовали тщательного рассмотрения степени опасности каждого подозреваемого в принадлежности к «пятой колонне». По приказу Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. подлежали репрессиям бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою преступную деятельность. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандоспособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых в то время казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержались тогда в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжали вести там активную антисоветскую подрывную работу. Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой³⁹.

Четвертый раздел приказа гласил: «1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение»⁴⁰.

Остальные приказы по смыслу повторяли приказ № 00447, тем не менее и в них требовалось вести тщательную следственную работу и тщательно рассматривать дела на тройках, либо на Особом совещании при НКВД, либо на комиссиях, состоящих из главы областного или республиканского НКВД и прокурора области или республики.

Скажем, выполняя приказ Ежова № 00485 от 11 августа 1937 г. о ликвидации польской шпионско-диверсионной сети, работники НКВД арестовали будущего маршала СССР, а тогда комдива, К.К. Рокоссовского, поляка по национальности. В этом приказе предписывалось: *«Одновременно с развертыванием операции по арестам начать следственную работу... Для ведения следствия выделить специальную группу работников»⁴¹*. Следователи этой специальной группы больше двух лет вели следствие, пытаясь подтвердить полученные ранее оговоры, но никаких доказательств причастности Рокоссовского к «пятой колонне» не нашли, и он был без суда освобожден, восстановлен в звании и должности с компенсацией за время нахождения в тюрьме всех видов полагавшегося ему денежного и вещевого довольствия.

Вот это надо отметить: Москва при репрессиях всегда требовала тщательного рассмотрения индивидуальной вины и никогда не давала огульных приказов. На местах и следователи, и судьи, чтобы отличиться или с враждебными намерениями, могли подойти к делу формально или умышленно репрессировать невиновных. Таких следователей и судей было достаточно, и их потом расстреляли вместе с их начальником – наркомом НКВД Н. Ежовым, но правительство СССР формальный подход к судьбам людей запрещало, поэтому никаких подобных документов от него не могло исходить. Я прошу вас отметить это потому, что в дальнейшем, при рассмотрении фальшивок, состряпанных бригадой Геббельса, нам это поможет.

Мотивы расстрела пленных польских офицеров

В предыдущем разделе тема репрессий «пятой колонны» была поднята специально, чтобы получить исходные данные для рассмотрения мотивов расстрела польских офицеров. В конце 80-х и в начале 90-х годов прошлого века бригада Геббельса причину якобы расстрела органами НКВД пленных поляков объявила именно эту – репрессии. Причем причина называлась именно так – «репрессии», а не «репрессии пятой колонны». Ныне покойный, а тогда очень видный передовик бригады Геббельса Ю. Зоря писал: *«Факт уничтожения органами НКВД польских граждан является одним из элементов политики репрессий, проводившейся в предвоенные годы в Советском Союзе не только против ее граждан, но и граждан других стран»*⁴². Причем что касается лично его, Зори, то он мог тогда в написанное им искренне верить.

Дело в том, что в 1953 г. группой партийных заговорщиков был, вероятнее всего, отравлен, а затем (что уже безусловно) убит не оказанием медицинской помощи И.В. Сталин, а после этого генералы Москаленко и Батицкий заманили в засаду и убили Л.П. Берия, который явно продвигался вперед в расследовании убийства Сталина. Я понимаю, что те читатели данной книги, которые не знакомы с моей предыдущей работой «Убийство Сталина и Берии», сильно озадачены, поскольку уверены, что Сталин умер своей смертью, а Берия не убили, а расстреляли по приговору суда. В данном случае это неважно: если вы не можете это сообщение воспринять, то и не надо – в данном случае важно не это, а то, что сотни высших партийных и государственных работников об этих убийствах догадывались (в случае со Сталиным) или определенно знали (в случае с Берией), но предпочли молчать и поддерживать заговорщиков. Мотивом такого поведения было несогласие с тем, что настоящим Сталина в конце 1952 г. на XIX съезде ВКП(б) партия изменила Устав и, занявшись только пропагандой и воспитанием кадров, должна была отойти от государственной власти в СССР, оставив ее Советам, как это и определено было Конституцией СССР. Партноменклатура в этом вопросе со Сталиным согласиться не могла, но, чтобы эта идея Сталина не была воспринята народом самостоятельно, хрущевские партийные органы начали тотальное очернение Сталина. В плане его очернения чистка страны от «пятой колонны» была представлена как репрессии сами по себе, народу внушали мысль, что Сталин и Берия от скуки занялись уничтожением своего невинного народа.

Ведь посмотрите, что происходит. После репрессий «пятой колонны» в 1937–1938 гг. прошло более 60 лет, а подлинные документы с суммарными цифрами репрессированной «пятой колонны» до сих пор не опубликованы, если не уничтожены. Я выше сделал оценку по опубликованным отрывочным данным о репрессиях. Взял число репрессированных по Смоленской области, абсолютно точные числа ее жителей и жителей СССР и рассчитал, что общее количество арестованных было не более 1 млн, а расстрелянных – в пределах 240 тыс. Затем я проверяю этот свой счет: беру долю репрессированных по Москве и Московской области и абсолютно точную цифру расстрелянных здесь в 1937–1938 гг. Снова получаю число расстрелянных по СССР – теперь уже около 210 тысяч, но 210 и 240 тысяч – это числа не просто одного порядка, а прекрасно сходящиеся при таком ориентировочном счете. Это и есть истинное число расстрелянных в СССР членов «пятой колонны» (а в их числе и невиновных или маловиновных) в 1937–1938 гг.

А теперь дам слово С.Г. Кара-Мурзе: *«Один из политических активистов перестройки Рой Медведев тоже писал в 1988 г.: «В 1937–1938 гг., по моим подсчетам, было репрессировано от 5 до 7 миллионов человек... Большинство арестованных в 1937–1938 гг. оказалось в исправительно-трудовых лагерях, густая сеть которых покрыла всю страну»*. На деле численность заключенных в лагерях, *«покрывших страну густой сетью»* (всего было 52 лагеря), за 1937 г. увеличилась на 175 486 человек, в том числе осужденных по 58-й статье – на 80

598 человек. В 1938 г. число заключенных в лагеря подскочило на 319 тыс. – из них осужденных за контрреволюционные преступления – на 169 108. При этом Рой Медведев публиковал свои измышления в массовой прессе уже тогда, когда он мог получить надежные и проверенные исследователями данные. И это был человек, приближенный к М.С. Горбачеву, народный депутат СССР.

Более того, член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Комиссии по расследованию убийства С.М. Кирова и политических судебных процессов 30-х годов О.Г. Шатуновская писала в массовой прессе («Аргументы и факты») в 1990 г.: *«С 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн 840 тыс. «врагов народа». Из них 7 млн было расстреляно. Большинство остальных погибло в лагерях».* Таким образом, деятель КПСС весьма высокого ранга сознательно преувеличивает масштаб репрессий более чем в десять раз – в то время как истинные данные были уже достаточно широко известны даже в обществе, а уж она была обязана их знать по своему партийному положению члена Комиссии, которая этим вопросом занималась. По ее словам, *«7 млн было расстреляно, а большинство из остальных 13 млн «врагов народа» погибло в лагерях, между тем как доподлинно известно, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, из коих большинство были не «врагами народа», а уголовниками. И основное число смертей приходилось на годы войны»*⁴³.

В данном случае нам важны не числа репрессированных, а кто именно внушал народу клевету – это не шпионы, не диссиденты, а партийные чиновники КПСС высочайшего ранга, «лица, приближенные к Горбачеву». И как же мог рядовой геббельсовец Ю. Зоря им не верить?

Но на сегодня мотив «репрессий» бригада Геббельса уже не использует, по той причине, что она сама доказала его несостоятельность, бездумно опубликовав море документов, опровергающих ее же первоначальную версию. Дело в том, что репрессии против «пятой колонны» в сталинском СССР не прекращались никогда: не прекращались они и после 1938 г., и после того, как при Берии из следственных изоляторов, лагерей и из ссылки только в 1939 г. вернулись на свободу 837 тыс. человек⁴⁴, и после того, как были расстреляны или осуждены те следователи и судьи, которые фабриковали дела и приговаривали невиновных к лагерям и расстрелам в 1937–1938 гг.

Поэтому, как только в плен к СССР попали польские офицеры, следователи НКВД немедленно начали среди поляков поиск тех, кто имел «особые заслуги» перед СССР и коммунистическим движением: кто вооружал и посылал с территории Польши банды для разбоя в советских Украине и Белоруссии, кто убивал украинцев и белорусов в самой Польше, кто убивал в Польше коммунистов. Вы должны помнить, что министр иностранных дел Польши Ю. Бек 6 января 1939 г. рапортовал министру иностранных дел Германии И. Риббентропу, что Польша *«делает все, чтобы сотрудничать»* с Германией *«против Коминтерна в области полицейских мер»*, но, наверное, не совсем представляете себе, что это означало на практике. В биографии Пилсудского об этом упоминается:

*«Коммунисты наиболее часто подвергались репрессиям... Уже по дороге в Брест, – писал историк и социалистический деятель Адам Прухник, – конвой не скупился на угрозы и вульгарные клички для арестованных. По отношению к Либерману конвой не остановился на угрозах, а перешел к делам. Автомобиль, которым его везли, был остановлен за Седльцами. Либерману приказали выйти и ударами прикладов загнали в лес. Сопровождавший комиссар полиции дважды ударил его в подбородок и повалил на землю; на его голову, которую обвернули плащом, уселся один из конвоиров, с лежащего сняли одежду и с оскорблениями и криками: «Ты смеешь оскорблять Чеховича, ты смеешь поднимать голос против пана Маршала» – его избили до потери сознания, нанеся более двадцати кровавых ран. Либерман потерял сознание, и в таком состоянии конвой затащил его в автомобиль и привез в Брест»*⁴⁵.

А надо сказать, что Уголовный кодекс тогдашнего СССР очень неодобрительно смотрел на подобные «*полицейские меры*» вообще, но особенно – когда предметом полицейских забав оказывались коммунисты. В нем была такая статья:

«58⁴. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой —

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо тяжких обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела или объявления врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества»⁴⁶.

По этой статье виновными были и преступники из СССР, и преступники вне его. Вот этих преступников НКВД среди пленных постоянно искал, а найдя, из среды пленных изымал, помещал в следственный изолятор, вел следствие, а затем суд и после него – лагеря или кладбище.

И нынешняя трудолюбивая бригада Геббельса опубликовала сотни документов, подтверждающих, что «политика репрессий» против преступников из Польши велась только так – индивидуально и через суд. Скажем, в бывшей столице Украинской ССР – в Харькове – велись следственные дела на борцов с Коминтерном и СССР среди попавших в плен к Красной Армии. Наиболее усердных борцов расстреляли и похоронили частью на еврейском кладбище Харькова, а частью на специальном. В Харькове таких было около 300 человек⁴⁷. Тем же самым занимались Управления народного комиссариата внутренних дел и суды в Смоленске и Калининне, возле которого был специализированный лагерь польских полицейских и разведчиков. Так что, если долго копать на кладбищах Харькова, Смоленска и Калинина, то какие-нибудь пуговицы от польских мундиров можно найти, но это для бригады Геббельса не то: расстрела осужденных судом преступников СССР никогда и не скрывал. Бригаде Геббельса нужно свалить на СССР расстрел десятка тысяч тех польских офицеров, которых расстреляли немцы и к которым Уголовный кодекс СССР не имел особых претензий. А вот для их расстрела мотив «репрессий» сегодня уже не подходит именно потому, что то, как действительно производились репрессии, стало известно, а расстреливать поляков другим способом (массовым, без определения конкретной вины и в нарушение закона) СССР просто не стал бы.

К примеру, есть у польских геббельсовцев такой любимый свидетель – поручик Свяневич. Его в составе этапа военнопленных в конце апреля 1940 г. привезли на станцию Гнездово, возле Смоленска, откуда военнопленные на автобусах направлялись в новый лагерь, а по геббельсовской фальшивке – прямо ко рвам, у которых их всех расстреляли. И этого Свяневича сталинские репрессии догнали как раз в Гнездово – его арестовали по подозрению в шпионаже и отправили в Москву для следствия. Там следователи больше года не могли найти достаточно доказательств, чтобы этого Свяневича отдать под суд и расстрелять, в результате в 1941 г., после заключения союзного договора между СССР и правительством Польши в эмиграции, поручика Свяневича амнистировали и освободили⁴⁸. И получается у геббельсовцев глупость, очевидная даже им самим: преступника, подлежащего расстрелу за шпионаж, почему-то больше года кормили и не расстреливали, а тех, кого ни в чем не обвиняли, вдруг взяли и расстреляли?

Поэтому как ни приятно было бригаде Геббельса жевать соплю «массовых репрессий», но нужно было искать какой-то другой мотив, а это невозможно. Поэтому академическая часть бригады Геббельса, прикинувшись дурачками, мотив расстрела поляков не рассматри-

вает совершенно. А прокурорской части геббельсовцев хуже – пять лет учебы на юрфаке обязывают знать, что преступлений без мотива не бывает. И их эксперты в качестве мотива выдают такой шедевр:

«Рассмотрение причин и мотивов репрессирования показывает, что решался вопрос о лицах, большинство которых согласно международному праву должно было быть после окончания вооруженных действий распущено по домам. Однако сталинское руководство задержало в лагерях и тюрьмах значительную часть польского офицерского корпуса и административно-управленческого аппарата со всех территорий «ликвидированного» Польского государства и было связано договоренностью с германскими властями о противодействии польскому освободительному движению (см. секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору от 28 сентября 1939 г.). Освобождение этого контингента никак не входило в планы НКВД и сталинского руководства прежде всего из-за его противостояния сталинской политике в отношении Польши»⁴⁹.

Надо думать, что над этим текстом «эксперты» тужились очень долго, но вылезло что-то такое, что может устроить только шляхтича, и не только по степени косноязычия.

По какому такому «международному праву» военнопленные автоматически «распускаются по домам»? Война в США против талибов давно закончилась, что же это американцы держат пленных талибов, а не распускают их по домам согласно «международному праву»?

Потом, если война закончилась в сентябре 1939 г., то почему румыны не «распустили по домам» Рыдз-Смиглы, Бека и прочую польскую правительственную и генеральскую шушеру?

Затем, о конце какой войны говорят «эксперты», если правительство Польши в эмиграции не только продолжало делать вид, что воюет с Германией, но и объявило войну СССР?

Упомянутый «секретный протокол» к договору от 28 сентября 1939 г. вполне может быть фальшивкой геббельсовцев, но и он гласит:

«Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях»⁵⁰.

Тут, как вы видите, нет ни слова не только о расстреле пленных, но и о противодействии «польскому освободительному движению», как об этом нагло уверяют нас геббельсовские «эксперты».

Речь идет только о противодействии недружественной агитации. Ничего большего стороны на себя не брали. И для Германии, и для СССР речь шла только об одной польской агитации – о присоединении западных областей Украины и Белоруссии к Польше, вопреки ясно выраженной воле подавляющего числа населения. Таким образом, обязательства по этому протоколу налагались только на Германию, поскольку польской агитации внутри СССР технически быть не могло – это уже была бы антисоветская агитация. Получается, что геббельсовские эксперты уверяют нас, что СССР расстрелял польских военнопленных потому, что боялся их польской агитации в лагерях военнопленных. Шедевр кретинизма, конечно, но для поляков сойдет. Они же ведь не зададут себе вопрос, а зачем этих пленных надо было расстреливать, если проще было передать их немцам, добавив их к тем 42 492, которых немцам передали?⁵¹

Единственно, в чем безусловно можно согласиться с геббельсовскими «экспертами», так это в том, что польские военнопленные офицеры в своей массе противостояли «сталинской политике в отношении Польши». Это точно, и это мы уже видели в первой части книги. Но и это не все.

В 1940 г., в котором, по уверениям геббельсовцев, Сталин дал команду расстрелять польских офицеров, он на самом деле дал другую команду – начать работу по формированию Войска Польского из военнопленных поляков. И уже 2 ноября 1940 г., проведя длительную агитацию среди пленных, Берия докладывал Сталину: *«Во исполнение Ваших указаний о военнопленных поляках и чехах нами проделано следующее...»*, – и далее он сообщал, какая работа проведена, сколько выявлено добровольцев, предлагал штаб польской дивизии разместить *«в одном из совхозов на юго-востоке страны»*, и т. д. и т. п.⁵².

Это и была *«сталинская политика в отношении Польши»* – воссоздание суверенной Польши, для чего ее, естественно, требовалось отвоевать у немцев. Но трусливая польская шляхта боялась немцев как огня, всю Вторую мировую войну от них пряталась и этим действительно противостояла *«сталинской политике»*.

Итак, сам Геббельс мотивом расстрела польских офицеров объявил месть евреям за европейский антисемитизм. Не Бог вещь какой мотив, но хоть что-то мало-мальски разумное. Сегодняшний состав бригады Геббельса этим мотивом, естественно, воспользоваться не может. Взяв на вооружение, как им казалось, универсальный мотив *«сталинских репрессий»*, геббельсовцы через несколько лет с этим мотивом совершенно обкакались, поскольку сами доказали, что репрессировались поляки индивидуально, строго по процессуальным законам и не всегда приговаривались к расстрелу. На сегодня в качестве мотива у них остался такой бред, что академическая часть геббельсовцев даже стесняется о нем упоминать.

И, наконец, естественен вопрос: а были ли у немцев мотивы убить польских офицеров? Бригада Геббельса об этом дружно и упорно молчит, как будто это вопрос о непорочном зачатии, который даже выслушивать грешно. Но поскольку я не последыш Геббельса, то мне этот вопрос интересен.

Если речь идет не о нас, сегодняшних, словами Т.Г. Шевченко, *«славных прадедов великих правнуков поганых»*, а о русских в их истории, то русские были одним из самых, если не самым свободолюбивым народом Европы. А поляки – это рабы по своему мировоззрению, порою хитрые, порою коварные, порою просто подлые, но рабы. Вот смотрите: и история России, и история Польши за последние несколько столетий полны различными восстаниями по самым различным поводам. Но в России эти восстания (от Пугачева до различных губернских и уездных) всегда были восстаниями крестьян. Русские дворяне (которых, кстати, было по отношению к остальному народу – 1 %) способны были на дворцовый переворот, но они никогда не были инициаторами бунтов. В Польше наоборот – я не помню там народных бунтов, там всегда бунтовала шляхта (которой по отношению к остальному народу было 10 %). Она убеждала народ взяться за оружие, а затем сбегала, оставляя народ разбираться с карателями.

Придурковатым писателям и поэтам, путающим свободу с личной вседозволенностью, это может быть непонятно, но реальным государственным деятелям рабская подчиненность поляков шляхте сразу же бросается в глаза. Вспомните слова Кропоткина о том, как русский император элементарно выбил табуретку из-под взбунтовавшей Польшу шляхты, всего лишь справедливо наделив польских крестьян землей. И Гитлер, которому шляхта неожиданно отдала всю Польшу, естественно, не мог этого не видеть. Отсюда возникал естественный вывод: держать поляков в покорности можно, если удушить шляхту. (Кстати, по этой самой причине и с учетом того, что Польша была у главного и самого страшного врага СССР – Гитлера, Сталину нельзя было уничтожать шляхту – ее разрушительная для Польши роль была как нельзя кстати.)

Повторю, бригада Геббельса глухо молчит на тему: а были ли у немцев мотивы убить поляков? Геббельсовцы всячески уверяют нас, что в Катинском деле они хотят узнать *«правду»*, а правда всегда объективна. Вспомним, и Геббельс требовал от немецких журналистов, освещавших Катинское дело, чтобы они в своих выступлениях упирали именно на этот аспект: *«Это не пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды... Вообще нам нужно*

чаще говорить о 17—18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешения послать домой письмо и т. д., так как это действует особенно потрясающе». А вот в исследовании немецких мотивов убийства у бригады Геббельса что-то не видно той «фанатичной жажды правды», что завещал им их учитель. Поэтому у нас есть основание самим прислушаться к тому, что в рейхе говорили о Польше и поляках и что планировали.

На исходе польской кампании Гитлер дает указание Кейтелю: *«Жестокость и суровость должны лежать в основе расовой борьбы для того, чтобы освободить нас от дальнейшей борьбы с Польшей»*. Чуть позже он заявил: *«У поляков должен быть только один господин – немец. Не могут и не должны существовать два господина рядом, поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни»*⁵³.

Но Гитлер не только говорил, а и действовал. По сведениям Д. Толанда: *«К середине осени (1939 г. – Ю.М.) были ликвидированы три с половиной тысячи представителей польской интеллигенции, которых Гитлер считал «разносчиками польского национализма»*. *«Только таким путем, – утверждал он, – мы можем заполучить необходимую нам территорию. В конце концов, кто сейчас помнит об истреблении армян?»* Террор сопровождался безжалостным выселением более миллиона простых поляков с их земель и размещением там немцев из других частей Польши и Прибалтики. Это происходило зимой, и при переселении от холода погибло больше поляков, чем в результате казней⁵⁴.

Ну и как же такой вопрос может обойтись без Геббельса? Он писал:

*«Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли... Суждение фюрера о поляках – уничтожающее. Скорее звери, чем люди, совершенно тупые и аморфные... На поляков действует только сила. В Польше уже начинается Азия. Культура этого народа ниже всякой критики. Только благородное сословие покрыто тонким слоем лака. Оно – душа сопротивления. Поэтому его надо убрать... Фюрер полностью разделяет мою точку зрения на еврейский и польский вопрос... Польская аристократия заслужила свою гибель... Вермахт обращается с польскими офицерами слишком мягко... Поляки этого не понимают. Я приму меры»*⁵⁵.

Вот вам и мотивы. Разве немцы их скрывали? Они налицо: Польши нет и никогда не будет, для этого нужно уничтожить интеллигенцию и, в ее числе, офицеров.

Поэтому когда немцам под Смоленском попали в руки лагеря с польскими военнопленными офицерами, да еще и числящимися за СССР, то им просто грех было упускать такой случай...

А то, что геббельсовцы мотива расстрела поляков немцами совершенно не рассматривают, является доказательством того, что дело не расследуется – оно фальсифицируется.

Разделение пленных на три категории

В «Катынском детективе» я обращал внимание на место преступления в Катыни как на почерк немцев, но со времени написания той книги бригада Геббельса накопила (в том числе и в полном смысле этого слова) много других данных, и место преступления как почерк преступника отодвинулось на второе место, в связи с чем о нем мы поговорим ниже. Но прежде, чем говорить о почерке, необходимо обширное введение в курс дела.

Вспомним, что в сентябре-октябре 1939 г. в руки СССР сначала как интернированные, а с ноября 1939 г., после объявления правительством Польши в эмиграции войны СССР, как военнопленные попали до десятка тысяч офицеров армии бывшей Польши и чуть меньше жандармов, полицейских, разведчиков, тюремных работников и т. д. Весной 1940 г. они были разделены на три части.

Первая часть – преступники – была арестована, осуждена, часть осужденных, получивших сроки, отправлена в исправительно-трудовые лагеря, а приговоренные к расстрелу расстреляны в тюрьмах Смоленска, Харькова и Калинина и там же и похоронены. Судя по тем данным, что геббельсовцы невзначай сообщают, расстрелянных было от сотни до несколько сот в каждой из означенных тюрем, а в сумме их было вряд ли больше, нежели 1000 человек. Об этом не пришлось бы гадать, если бы геббельсовцы не уничтожали в архивах России дела по этим преступникам, а опубликовали их.

Вторая часть, которая должна была обозначать польских военнопленных для немцев и общественности – около 400 офицеров (без поступивших впоследствии из Литвы и Латвии) – в конце концов оказалась в лагере военнопленных в Грязовце, откуда и поступила в 1941 г. на формирование армии Андерса. Тут надо понимать, что и немцы, и весь мир знал, что СССР должен был иметь военнопленных, вот он их и имел в Грязовце – они переписывались с родными, из Грязовца возвращались в Германию польские офицеры немецкой национальности, и никто не мог упрекнуть СССР, что он совершил недружественный акт по отношению к Германии и отпустил этих поляков на свободу.

Самая большая часть армейских офицеров и жандармов с полицейскими попала в руки немцев вот каким путем. Я уже писал, что Польша от имени своего правительства в Лондоне объявила войну СССР и начала силами подчиненной себе Армии Крайовой боевые действия. Выпускать поляков на свободу в таких условиях было нельзя. Союзники против немцев войны почти не вели, и все склонялось к тому, что они и дальше будут ее затягивать, подкармливая польское эмигрантское правительство. Вставал вопрос: что с этими офицерами (возможными кадрами Войска Польского на случай, когда немцы нападут на СССР) делать? Выход был найден: решением специализированного судебного органа – Особого Совещания при НКВД СССР – подавляющая масса польских офицеров была признана социально опасной и направлена в исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа на сроки от 3 до 8 лет.

Тут может быть непонятно – какой смысл в переводе из одного лагеря в другой?

В лагерях военнопленных Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД они были военнопленными, а, согласно женеvским конвенциям, офицеров вообще нельзя было заставлять работать, а унтер-офицеры могли использоваться как надсмотрщики за работой военнопленных солдат. Особое Совещание, признав их социально опасными, делало из них простых заключенных, которые от работы отказаться не могли. Но и не это – главное, главное, что пребывание польских офицеров в лагерях получило какой-то осмысленный срок, а не бессрочность, как в ситуации, которую создало эмигрантское правительство Польши. Кроме этого, как осужденных, поляков легко было и амнистировать. Т. е. в случае международного скандала с немцами им можно было объяснить, что тот или иной офицер, обнаруженный немцами на свободе, на самом деле не выпущен из лагеря военнопленных, а

является преступником, который отсидел свой срок наказания в Главном управлении лагерей (ГУЛАГе) НКВД и теперь на свободе по закону. СССР находил выход из положения, которое создали трусливые подонки польской правительственной шляхты.

Но вам, судьям, следует отметить, что после рассмотрения его дела на Особом Совещании военнопленный исчезал из отчетности УПВИ, переставал быть военнопленным и попадал в отчетность ГУЛАГа как заключенный, лишенный, естественно, права переписки, поскольку окруженному враждебными государствами СССР отнюдь не улыбалось объяснять различным комиссиям, на каком основании военнопленные стали заключенными, отбывающими наказание. В этом плане характерно место пребывания этой части пленных – Смоленская область. До решения Особого Совещания они все находились в лагерях военнопленных на востоке от Смоленска, а когда они стали заключенными, то их как бы подвезли на запад, к границе с бывшей Польшей. Само собой, что если бы СССР решил их расстрелять, то их, посадив в вагоны, вывезли бы за Урал и расстреляли в таком месте, в котором их и через 100 лет не нашли бы. А под Смоленском они были на виду: форму им оставили, конвой, что в УПВИ, что в ГУЛАГе, одинаков – поди разберись, заключенные они или военнопленные? А то, что они работают, тоже имело объяснение – пленного офицера нельзя заставить работать, но сам он работать мог, если хотел. Польский офицер немецкого происхождения Р. Штиллер, отправленный в 1941 году в Германию, писал в своем отчете в гестапо о пребывании в советских лагерях для военнопленных в Козельске и Грязовце: *«Питание вначале было совершенно хорошим, правда, ухудшилось вместе с заполнением лагеря; во время финской кампании оно было неудовлетворительным и весной снова улучшилось»*. В Грязовце: *«Размещение и питание можно назвать хорошим. Питание – даже слишком хорошим для тех, кто добровольно изъявил желание работать на строительстве дороги, что мы, немцы, делали все без исключения»*.⁵⁶

В случае, если бы война между Германией и союзниками затягивалась и пленных офицеров (теперь уже заключенных) надо было бы выпускать из лагерей в связи с окончанием срока, то их направляли бы к семьям, которые советское правительство в начале лета 1940 г. переселило на восток страны. Если бы началась война с Германией, поляков из лагерей было бы легко призвать в Войско Польское, союзное СССР, поскольку семьи офицеров уже были на востоке в некотором смысле заложниками честного поведения самих офицеров. Это решение правительства СССР было не только лучшим для СССР, но и вообще единственно возможным в той идиотской ситуации, которую создала правительственная шляхта Польши. Конечно, сами польские офицеры вряд ли были в восторге, но у них был выбор – они могли в сентябре 1939 г. сражаться с немцами за Польшу и умереть за нее. Им этот выбор категорически не нравился: они предпочли любой плен – как немецкий плен (с саблями), так и советский, румынский, венгерский, литовский и латышский (без сабель). Они свой выбор сделали...

Об эксгумациях праха польских военнопленных

Но события развивались не так, как предполагало правительство СССР. Предал командующий Белорусским особым военным округом генерал Павлов, ставший с началом войны командующим Западным фронтом. Немцы окружили его войска под Минском, а затем броском окружили советские войска под Смоленском уже 10 июля 1941 г. – через 18 дней после начала войны. А договор между эмигрантским правительством Польши и СССР был заключен только 30 июля, т. е. поляки находились еще в лагерях ГУЛАГа и эти лагеря под Смоленском немцы захватили, а поляков расстреляли.

Следует отметить, что польских пленных сначала расстреливали, судя по всему, в нескольких местах и вместе с советскими гражданами. На том месте в Катынском лесу под Смоленском, на котором ныне принято проводить шоу по поводу героических польских офицеров, немцы зарыли свои жертвы – в общем числе около 37 тыс. человек, из которых только 12 тысяч поляки, а остальные – советские военнопленные и граждане СССР⁵⁷.

Далее, в 1943 г., как я уже написал в первой части, у немцев возникла жизненная необходимость использовать эти трупы для своей главной пропагандистской акции. Как только оттаяла земля, они извлекли из могил 5 тыс. тел поляков, причем часть их завезли к этому месту из других мест, и как могли очистили их карманы от документов с датами после мая 1940 г., поскольку никакими другими фактами невозможно было доказать, что эти трупы лежат здесь не с осени 1941 г. Затем трупы вновь зарыли и стали завозить «комиссии» для показа им «еврейских зверств». При этих «комиссиях» трупы вырывались из земли, извлекались из карманов их одежды документы и т. д. Но когда число вырытых гробов превысило 4 тыс., немцы всю работу свернули, хотя сами утверждали, что в Катыни лежит 12 тыс. поляков, и поведение немцев понятно: далее шли не обработанные ими трупы с документами до осени 1941 г.

Однако осенью 1943 года Смоленск освободила Красная Армия, и комиссия по расследованию немецких зверств в присутствии английских и американских представителей и корреспондентов начала раскапывать остальные могилы и, естественно, нашла и документы с датами 1941 г.

Польские гиены были загнаны в угол, но признать, что офицеров в Катыни убили немцы, они никак не могли. Это было равносильно признанию участия в войне на стороне немцев. И польская шляхта за границей продолжала упорно фальсифицировать это дело, благо наступила «холодная война» и клевета на СССР стала прибыльным делом. Но возникла и проблема.

Если польские геббельсовцы согласились бы с немецким числом похороненных в Катыни поляков в 12 тысяч, то тогда получалось, что их убили немцы, поскольку советская следственная комиссия нашла и трупы с документами 1941 г. И польские геббельсовцы выкручиваются следующим образом: они начинают утверждать, что в Катыни лежит не 12 тысяч, как это утверждают немцы (безусловно, знающие, скольких они там убили), а чуть больше 4 тысяч. Но тогда возникал вопрос – а куда делись еще 8 тысяч? Пока геббельсовцам были недоступны архивы СССР, они фальсифицировали этот вопрос, как могли. К примеру, конгресс США, оказывая «дружескую услугу» СССР, отложил свои дела, создал Специальный Комитет и занялся расследованием Катынского дела, в ходе которого этот Комитет в 1952 г. *«не допуская и тени сомнения»* установил, что поляков безусловно убили Советы, а польские полицейские, в частности, *«были погружены на баржи и затоплены в Белом море»*⁵⁸. (Польский идиотизм, надо сказать, вещь заразная.)

Но с приходом к власти в СССР капэсэсовцев во главе с Горбачевым дело у польских геббельсовцев пошло со свистом. Теперь к бригаде Геббельса подключились главные разрушители СССР – Политбюро ЦК КПСС и КГБ СССР. Факты показывают, что именно в КГБ Крючкова созрела в принципе простая идея фальсификации Катынского дела.

Как я написал несколько выше, в Харькове и в Калининне расстреливали и хоронили преступников, в том числе и поляков. А военнопленные поляки отправлялись в лагеря ГУЛАГа под Смоленском через управления НКВД этих областей (где им сообщалось о решении Особого Совещания), на что в архивах имелись сотни подтверждений. Таким образом, если хорошо покопаться в местах захоронения расстрелянных преступников в Харькове и Калининне, то можно найти и черепа с пулевыми отверстиями, и кое-какую польскую атрибутику: пуговицы от мундиров, ордена, портсигары и т. д. И объявить, что под Харьковом и в поселке Медное Калининской области похоронены еще 10 тысяч польских офицеров и полицейских. Мысль эта была жиденькой, не было сомнений, что и исполнение будет убогим, но подонки Главной военной прокуратуры охотно за эту мысль ухватились. И в 1991 г. они вместе с толпой поляков перекопали экскаваторами харьковские и калининские кладбища в местах, указанных КГБ.

О результатах этого гробокопательства «эксперты» Генеральной прокуратуры сообщают: *«В ходе работ в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова (25 июля – 9 августа 1991 г.), проводившихся на площади 97#62#143#134 м, было сделано 49 раскопов и 5 зондажей. Было обнаружено не менее 167 останков поляков. В Медном работы проводились 15–25 августа 1991 г. на площади пятиугольника 37#108#36#120#120 м. Было сделано 30 раскопов и 5 дополнительных зондажей. Обнаружены останки не менее чем 243 поляков»*⁵⁹.

Поскольку эти результаты нам нужны для сравнения почерка убийц, придется рассказать и об этих эксгумациях, тем более что об этом все равно надо сказать.

О чем рассказало кино

Если вы обратили внимание на даты, то работы велись во время, когда СССР был уже в агонии, но еще был. Точно сказать, убьет ли его «пятая колонна», либо он, оправившись, убьет «пятую колонну», было нельзя. Прокуроры и следователи Главной военной прокуратуры еще боялись нагло фальсифицировать дело: боялись подбрасывать в него «улики», боялись фабриковать «подлинные документы», и в то время фальсификация шла по линии лжесвидетельств, утайки документов и извращенного их толкования. (Только когда СССР пал и Ельцин сменил руководителей архивов на своих негодяев, геббельсовцам стало привольно и просторно.) Поэтому надо быть крайне наивным, чтобы слепо верить тому, что сегодня говорят геббельсовцы о находках под Харьковом и в Медном. У нас есть два свидетельства, сделанных почти сразу после этих раскопок, и оба они исходят от геббельсовцев.

Раскопки следователи ГВП фиксировали на видеопленку и почти сразу же смонтировали часовой фильм «Память и боль Катюны» с помощью некоего ТОО «Лад-Фильм». Авторы фильма нам неинтересны, поскольку такого беспринципного мусора среди московской «творческой интеллигенции» хоть пруд пруди – не они, так нашлись бы другие. Интересны научные консультанты фильма, указанные в титрах, – цвет (махровый) Главной военной прокуратуры, юстиции: генерал-лейтенант Л. Заика, генерал-майор В. Фролов, полковники Н. Анисимов, А. Третьцкий, С. Радевич, подполковник В. Граненов, майор С. Шаламаев – почти все фальсификаторы Катюнского дела.

Фильм крайне подлый в каждом метре пленки. Смотрите, с одной стороны, еще идет следствие, с другой – в фильме уже утверждается как абсолютная истина, что поляков убил СССР. Но тогда зачем же вы перекапываете кладбища? Отдавайте дело в суд! По советским законам запрещено было разглашать материалы следствия до суда, а здесь показывается официальная видеозапись допроса свидетелей, да еще с «наездом» дикторского текста на показания свидетеля, т. е. так, что свидетель глушится, как только начинает говорить не в пользу обвинения СССР. Мошеннически передергивается видеоряд. Говорится о письме Кобулову за подписью Сталина, а показывается письмо в ЦК за подписью Берии, на котором резолюция членов Политбюро и, в том числе, Сталина. Весь фильм – это нытье о бедных поляках, которых поселили в страшных условиях – в доме отдыха им. Горького. Диктор длинно канючит письмо, которое написали Сталину якобы польские дети на русском языке с просьбой отпустить из плена их отцов. Лучше бы почитал, пусть и на польском, письмо деток к пану Сикорскому прекратить войну с СССР, перестать посылать боевиков АК убивать советских людей, иначе как же может Сталин отпустить их отцов? Но вот чего в фильме нет, так это доказательств того, что поляков убил НКВД. Поскольку считать таковыми показания свидетелей, которые требуется корректировать самим следователям, – нельзя. Вопрос – тогда зачем же в таком пустом фильме, кроме прочих, семь штук только генералов и старших офицеров юстиции? Тем более что фильм от очевидной дурости такое количество консультантов не спасло: в фильме, к примеру, заместитель наркома Потемкин назван Покровским.

Ответ прост. Среди консультантов есть и С. Станкевич, который прославился тем, что брал взятки и давал на них расписки, а потом скрывался от российского правосудия в Польше, ныне страдалец реабилитирован. И работники прокуратуры, надо думать, в плане взяток были умнее этого «нового поляка», поэтому прямо брать взятки за фальсификацию Катюнского дела боялись. А как консультантам фильма им, надо думать, полагался «барашек в бумажке», вот они в этот фильм и набились. Какие взятки?! Никаких взяток от поляков не получали, это был гонорар за творческую работу консультантами! Это, конечно, моя догадка, но боюсь, что она верная.

Так вот, в этом фильме, снятом по горячим следам, показаны результаты эксгумаций под Харьковом и в Медном. Но не показано ни единое доказательство того, что ГВП были разрыты могилы поляков – ни пуговицы с польского мундира, ни католического крестика, ни медальона, ни пряжки, только сгнившая одежда, сгнившие кости и черепа. Некоторые черепа с пулевыми повреждениями, но кому они принадлежат: полякам? пленным немцам? советским преступникам?

Как это понимать? Семь голов генералов и полковников юстиции забыли режиссеру подсказать, что найденные ими в ходе эксгумации доказательства надо в фильме обязательно показать? И я должен верить в то, что они это забыли?

Главное то, что в этих могилах под Харьковом и Медным действительно должно находиться нечто подобное, поскольку несколько сот преступников-поляков тут все же похоронены. Но отсутствие в фильме этих вещдоков доказывает, что тогда, когда проходили раскопки, следователи не нашли никаких доказательств того, что найденные ими черепа и кости принадлежат полякам, т. е. не нашли даже того, что там должно было быть, и только поэтому никакие вещдоки в фильм не попали.

Однако после этих раскопок прошло четыре года власти ельциноидов в России, и в деле о Катюши вдруг появляется масса «вещественных доказательств», якобы извлеченных из могил именно тогда – в 1991 г. Чудеса?

Поэтому давайте обратимся к другому источнику – святому. Бригаду геббельсовцев из Главной военной прокуратуры на эксгумациях под Харьковом и Медным духовно окормлял американско-польский ксендз Здислав Пешковский. После чего ксендз издал две книжки, в которых описал и что это были за раскопки, и что нашли. Надо сказать, что ксендз прислал мне их в «Дуэль», за что я ему искренне благодарен, хотя одну из них мне уже до этого дали в посольстве Польши. Я тем более благодарен ксендзу, что он не стал меня призывать по примеру своего коллеги из «Золотого тельца»: «Опоментайтесь, пан Козлевич!» Людей, видимо, знает неплохо.

Следственные чудеса от Римско-католической церкви

Ксендз Пешковский – типичный американец по деловитости: в его книжках масса толковых деталей, которые он дал подробно, как американец, и не думая, зачем он их дал, как поляк. Кроме того, то, что ксендз американец, видно по его жизненному принципу: «Реклама – двигатель торговли». Из 85 пронумерованных фотографий в тексте и двух на обложке в книге ксендза «...И увидел ямы смерти» на 29 фото изображен сам ксендз во всех позах, ракурсах, компаниях и интерьерах: то он с папой римским, то с другим ксендзом сует что-то в рот стоящему перед ними на коленях Леху Валенсе, то у креста и т. д. и т. п. Кроме того, изрядная часть страниц посвящена текстам проповедей ксендза, сказанным по случаю Катынского дела (большой частью гнусным, надо сказать).

Теперь по поводу того, как были организованы раскопки. Я скорее циник, нежели лирик, практическому результату отдаю предпочтение перед даже красивой болтовней и считаю, что здравый смысл должен возглавлять любые традиции. Поэтому сам факт перекопки кладбищ меня не тревожит: надо – значит надо. Но мне не нравится другое: эксгумация трупов – это следственное действие, которое должны проводить специалисты, которых следователи письменно предупреждают об уголовной ответственности за правильность и точность их работы. В данном случае – чтобы ничего лишнего не попало в могилы и ничего из них не исчезло. А, как описал ксендз, раскопки производила толпа поляков, заведомо заинтересованных в том, чтобы обвинить СССР в этом убийстве и истребовать с России денег. На раскопки были присланы тогда еще советские солдаты для земляных работ, и мне непонятны строки из книги ксендза: «*Экскаватор под руководством доцента Глосека на полном ходу. Он стремится во что бы то ни стало исследовать всю территорию*»⁶⁰. Кто мне поручится, что найденные в этих могилах вещественные доказательства действительно там были, а не выпали случайно из карманов доцента Глосека?

Повторю, что из фильма, снятого сразу после раскопок, следовало, что в ходе эксгумации следственная бригада ничего не нашла такого, что бы указывало на то, что побеспокоенные ею трупы принадлежат полякам. А из изданной в 1995 г. книги ксендза Пешковского следует, что в могилах хранились целые клады. Для примера опишу, какие предметы, по ксендзу, были найдены у поселка Медное: «*Икона с изображением Божьей Матери с Младенцем, золотой медальон с изображением Матери Божьей Ченстоховской... награды, фрагменты поясов, коробочек, мундштуков, очков, кошелеков... и к моей радости – религиозных знаков – медальонов и четок... пуговиц с орлами... огромное количество личных вещей, гребешков, зубных щеток, кисточек, остатков принадлежностей для бритья, мыльниц, бумажников, монет, очков. Есть также катушка ниток, различные ключи, авторучки, черпак, деревянные ложки, много разных наград... золотая десятирублевая монета 1899 года. Есть крестики, один железный с изображением Иисуса Христа. Нашлось несколько очень красивых шахматных фигур, очки, зеркальца, объектив фотоаппарата «Лейка»... несколько свечей*»⁶¹. Все эти вещи довольно хорошо сохранились, если учесть их пятидесятилетнее пребывание в земле»⁶¹.

Достаточно посмотреть в фильме и на фото в книге, из какой иссиня-черной жижи доставали солдаты то, что осталось от трупов, – только крупные кости, ошметки того, что могло быть одеждой, да более-менее сохранившую форму дубленую кожу сапог, чтобы глубоко усомниться в том, что эти описанные ксендзом хорошо сохранившиеся вещи как-то связаны с раскопками в Медном и под Харьковом. Тем более что основная масса вещей, как зачем-то сообщает ксендз, оказывается, была не из могил, а из каких-то отдельных от могил ям и в Харькове, и в Медном. Получается, что палачи отобрали у поляков эти вещи, поляков расстреляли и положили в одни могилы, а для их вещей выкопали отдельные могилки и там похоронили никому не нужную чепуху типа десятирублевой золотой монеты. Можно, конечно, считать меня за наивного чело-

века, но не до такой же степени! Скажите прямо: на раскопках могил работали сотни солдат, и они, извлекая из могил останки, этих вещей не видели! Поэтому и приходится выдумывать про отдельные ямки, на которых, видимо, раньше были столбики с табличкой: «Геббельсовцам копать здесь», – да потом местные жители эти столбики на дрова унесли.

Но это не самое смешное в этих раскопках, поскольку через пять лет после эксгумации выяснилось, что в могилах, оказывается, было найдено и огромное количество писем, удостоверений, списков расстрелянных и, главное, много газет с первой страницей, по которой было ясно, что пленных расстреляли до лета 1940 г. Понимаете, в могилах от костей ничего не осталось, а список из 46 пленных полицейских с указанием не только их имени, но и имени отца, года рождения, места службы и должности 50 лет пролежал в черной жиже, а читается весь до буквы, и так, как будто вчера написан⁶². Но особенно трогает находка большого количества газет – видать, НКВД с целями коммунистической пропаганды закопало вместе с казненными и избу-читальню с подшивками центральных газет за последние годы.

Эксгумация останков в пос. Медном

Как я уже писал, ксендз в своем рекламном буклете не все 87 фотографий посвятил себе, любимому, есть среди них и несколько фотографий вещественных доказательств. Нормальных – две: на этих фотографиях запечатлены и таблички, поставленные следователем рядом с данным вещдоком и позволяющие связать это вещественное доказательство с конкретным эпизодом уголовного дела. На обеих фотографиях по черепу: один с огнестрельным ранением⁶³, другой целый⁶⁴. Причем ксендз, увлеченный собственной персоной, не обратил внимания, что одно фото сделано с обернутого негатива, т. е. надписи на табличках надо читать справа налево. Есть несколько фото ксендза, запечатленного рядом с вещественными доказательствами, но, насколько это можно увидеть, среди этих доказательств и близко нет того, что перечислил в тексте книги ксендз – орденов, ладанок, документов, газет, нет даже пуговиц с мундиров, а ведь латунь должна была сохраниться. И наконец, есть два интересных фото. На одном З. Савицкий, поляк, исполняющий какие-то функции на эксгумации, с очень напряженным лицом показы-

вает ксендзу какой-то нательный крестик, похожий на православный⁶⁵. Подпись к фотографии, по идее, должна была бы гласить, что этот крестик взят с останков в могиле, но она и через четыре года звучит уж очень дипломатично: *«Здислав Савицкий показывает найденный в земле крестик»*. Поскольку земля довольно обширна, то понимай эту подпись, как знаешь. И, наконец, есть фото пуговиц, крестика, иконок, цепочек⁶⁶, но снято это без таблички, т. е. не видно, что это отнесенные к данному уголовному делу вещдоки, более того, непонятно и где они сфотографированы – в СССР или в Польше.

Мне могут сказать, что эта моя подозрительность ни к чему, ксендз – человек духовный и в мирских делах некомпетентен, поэтому у него и фотографии такие, и текст юридически небезупречен. Как бы не так. Стоит почитать, как он торговался с таксистом, его оценки ресторанов, радость, что он, благодаря спекулятивному курсу, купил торт менее чем за доллар. Кроме того, в сентябре 1939 г. он был подхорунжим и храбро удирал от немцев, пока не попал к нам в интернированные. Затем записался в армию Андерса, вместе с ней храбро удрал в 1942 г. в Иран и встретил победу в Палестине. Т. е. это настоящий польский герой Второй мировой войны и не только в духовном, но и в военном деле человек не посторонний. А что касается следственной темы его книги, то текст произведения Пешковского на русский язык переводил Степан Радевич, а следователя Главной военной прокуратуры РФ, ведущего Катынского дело, звали Степан Радевич, так что книга ксендза вполне может быть официальной справкой ГВП, если издатели ошиблись в написании фамилии переводчика. В связи с этим – как прикажете понимать следующее?

Все найденное в могилах и имеющее хоть какое-то отношение к полякам являлось вещественными доказательствами по уголовному делу. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР (ст. 84 и 85) эти вещдоки должны быть, во-первых, сфотографированы, затем (с принятием мер против их порчи) упакованы и опечатаны и должны храниться при уголовном деле до суда и раздаваться только после вступления в законную силу приговора. Тогда как понять такие навязчивые «откровения» ксендза Пешковского, старательно переведенные на русский язык то ли полковником юстиции С. Радевичем, то ли С. Радевичем: *«К счастью, мне удалось видеть все добытые предметы вблизи и хорошо к ним присмотреться. Ведь моим соседом по номеру является полковник Здислав Савицкий, который не только с особой тщательностью исследует все предметы, но и очень заботливо упаковывает их перед доставкой в Польшу. Он занимается этим в гостиничном номере вместе с Енджеем Тухольским, историком из нашей группы. Должен признать, что они работают целыми ночами, чтобы справиться с этим заданием»*⁶⁷.

«...Найден памятный перстень офицера 52-го пехотного полка. Особенно ценными доказательствами оказались деревянная коробочка для табака с надписью: «Старобельск...1939», а также газеты, ни одна из которых не была датирована позднее 5 апреля 1940 года.

*В последние дни многие из этих предметов мне удалось осмотреть вблизи, в нашем номере, где Здислав Савицкий с Ярославом и Енджеем Тухольским тщательно упаковывали в картонные ящики и коробочки. Все это должно быть отправлено самолетом в Польшу»*⁶⁸.

*«...Этот документ – это путь многих военнопленных. Сегодня найдены еще две бесценные записки, которые ночью, в гостинице, возле открытых дверей балкона (запах!) прочитал господин Енджей»*⁶⁹.

Если все эти вещи и документы действительно были найдены в могилах, то в связи с чем следственная бригада ГВП (тогда СССР) раздавала эти вещдоки полякам? И зачем полковнику Радевичу, которого ксендз в начале книги благодарит за помощь в написании книги⁷⁰, надо было несколько раз подчеркнуть, что следственная бригада нагло попирала процессуальный закон? У вас есть варианты ответа? Тогда мой вариант: Радевич и ксендз специально вставили

в книгу моменты о вывозке вещдоков из страны, чтобы на вопрос: «А почему в 1991 г. не было никаких вещественных доказательств», – ответить: «А их поляки в Польшу увозили. А теперь вот привезли».

Ну и что же я должен думать, глядя на это полное отсутствие вещественных доказательств в момент эксгумационных работ в 1991 г., а затем на их чудесное появление в огромном количестве через четыре года? Наверное, то, что и вы.

Ксендз Пешковский считал извлеченные из могил под Медным черепа, пока наконец 29 августа 1991 г. не записал: «*Это последний обнаруженный в Медном череп – 226-й*»⁷¹. И он, и Радевич, описывая эксгумацию в Медном, глухо молчат о том, сколько из этих черепов имели пулевые пробоины, – ведь если на черепе пулевых ранений нет, то это явно не польский череп. А надо понять, какое кладбище раскапывали следователи ГВП с ордой поляков. На нем хоронили не только уголовников и членов «пятой колонны», расстрелянных в тюрьме Калинина. Всю войну в доме отдыха НКВД Калининской области был госпиталь, и на этом кладбище хоронили наших умерших воинов, следовательно, поляки ворошили экскаватором именно их останки⁷². У Пешковского в книге есть такое фото: он стоит возле всех найденных в Медном черепов. Часть из них, у которых есть пулевые пробоины головы, выставлены перед ксендзом на столе, и в пробоины вставлены прутики, показывающие траекторию полета пули⁷³. Остальные черепа (без прутиков) лежат на земле. Перед ксендзом 12 черепов с огнестрельными ранениями, т. е., перекопав кладбище наших умерших воинов, следственная группа нашла, возможно, два десятка (часть стола выпала из кадра) черепов казненных, которых при очень большом желании можно было бы посчитать за польские. Теперь все эти черепа, естественно, снова захоронены и поставлен памятник об убийстве русскими и захоронении здесь более 6000 бедных поляков.

При эксгумации под Харьковом, которая была раньше эксгумации под Медным, бригада геббельсовцев скрыть количество черепов просто умерших (без пулевых ранений) не могла, возможно, пресса уже успела что-то сообщить, и Пешковский с Радевичем вынуждены были об этом написать открытым текстом. Сообщу, на каком кладбище орудовали гробокопатели под Харьковом. На нем хоронили не только расстрелянных уголовников и членов «пятой колонны», но и пленных немцев, умерших в инфекционном лагере неподалеку⁷⁴. В результате, как пишет ксендз, под Харьковом найдено 169 черепов, а «*на 62 черепах из 169 исследованных обнаружены следы огнестрельных ранений*»⁷⁵. И под Харьковом, разумеется, теперь стоит крест на «месте захоронения» более чем 4000 поляков, убитых русскими»¹.

Заканчивая с эксгумациями, обращаю внимание на главное, что в ходе этого следственного действия должно было быть получено. Поляков в Катynи немцы не подумавши расстреляли немецким оружием, и нынешним геббельсовцам было очень важно найти хотя бы пульку, хотя бы гильзочку от немецкого патрона под Харьковом и Медным с тем, чтобы объединить все эти три могилы в одно целое. Но не получилось. Выше я специально дал из книги ксендза полный перечень всех предметов, найденных под Медным. В нем, если вы обратили внимание, есть даже несколько шахматных фигур, но нет главного – пуля. А по идее, они должны были быть найдены. Но и ксендз, и Радевич о них молчат. Почему?

Потому, что все расстрелянные, останки которых они исследовали, были расстреляны советским оружием. Другие геббельсовцы – энтузиасты общества «Мемориал» – этот вопрос

¹ Не могу не отметить, насколько обошли в подлости нынешние геббельсовцы самого Геббельса. Да, Геббельс требовал в 1943 г. посылать на эксгумацию в Катynь разных полуответственных лиц. И на эксгумацию под Харьковом и Медным поляки безо всякого Геббельса привозили толпы таких лиц. Но даже Геббельс постеснялся водить к открытым могилам детей. А полякам это запросто, они из Польши на эксгумацию под Харьковом даже детей возили (размещая их в наших пионерлагерях)⁷⁶. И вот вырастет такой поляк с глубокой ненавистью к русским, а спроси его, за что он ненавидит народ, благодаря которому Польша до сих пор жива, он ведь и не ответит...

изучили достаточно и установили: «...обычно это был пистолет системы «наган», который они считали самым точным, удобным и безотказным»⁷⁷. Совсем обойти этот вопрос ксендз не мог, но опять-таки данные об оружии дал только по Харькову – по раскопкам, которые делались по времени еще до ГКЧП: «При расстрелах применялись боеприпасы трех видов: малокалиберные, винтовочные и к револьверам системы «Наган»⁷⁸. Во всей книге нет ни слова ни об одном найденном немецком патроне или пуле.

Теперь давайте поговорим о почерке этих расстрелов.

Почерк

Обратите внимание (специфика дела такова, что на это придется обращать внимание крайне часто) на крайнюю подлость геббельсовцев. Под Харьковом было найдено всего 62 черепа с пулевыми ранениями, а эксперты прокурорской части бригады Геббельса пишут: *«обнаружено не менее 167 останков поляков»*. Это как понять – 62 расстреляли, а остальные с перепугу умерли? Под Медным останков с пулевыми ранениями головы было столь мало, что ксендз даже постеснялся упомянуть их число, а «эксперты» не моргнув глазом утверждают: *«обнаружены останки не менее 243 поляков»*. Брешут нагло – глядя в глаза!

Молодое дарование геббельсовцев, сменивший полковника юстиции С. Радевича той же юстиции подполковник А. Яблоков, в 1999 г. уже абсолютно нагло и уверенно пишет:

«С 25 июля по 7 августа 1991 г. в районе 6-го квартала лесопарковой зоны г. Харькова, на территории дач УКГБ по Харьковской области, расположенной на расстоянии 73 м восточнее Белгородского шоссе, с участием представителей польских правоохранительных органов, судебно-медицинских экспертов и других специалистов было проведено извлечение останков не менее чем 180 людей из 49 мест захоронения. Многочисленные предметы польской военной формы и другой польской военной атрибутики, письма, квитанции, обрывки газет с датами весны 1940 г., отдельные предметы с записями о Старобельском лагере, а также офицерские удостоверения и жетоны шести военнопленных Старобельского лагеря, найденные в ямах, бесспорно свидетельствовали о массовом захоронении расстрелянных в 1940 г. польских военнопленных, ранее содержавшихся в Старобельском лагере НКВД СССР. По заключению комиссии судебно-медицинских экспертов, смерть этих военнопленных наступила от огнестрельных повреждений – выстрелов в затылок и верхний отдел задней поверхности шеи из огнестрельного оружия, имеющего калибр от 5,6 до 9 мм.

С 15 по 29 августа 1991 г. в дачном поселке УКГБ по Тверской области, в 2 км от поселка Медное, также с участием представителей польских правоохранительных органов, судебно-медицинских экспертов и других специалистов, была проведена вторая эксгумация.

В 30 откопанных ямах были обнаружены костные останки, принадлежащие не менее чем 243 трупам людей. Многочисленные найденные в ямах предметы (части польской полицейской формы и различной полицейской и военной атрибутики, письма, квитанции, обрывки газет с датами весны 1940 г., отдельные предметы, списки военнопленных Осташковского лагеря, полицейские удостоверения и жетоны) позволили идентифицировать 16 польских полицейских и пограничников. Они служили доказательством наличия массового захоронения расстрелянных в 1940 г. польских военнопленных, ранее содержавшихся в Осташковском лагере НКВД СССР. Комиссия судебно-медицинских экспертов записала в своем заключении, что смерть наступила также от огнестрельных повреждений – выстрелов в затылок и верхний отдел шеи из огнестрельного оружия, имеющего калибр от 7 до 8 мм. Обнаруженные в отдельных черепах пули калибра 7,65 мм подтверждают, что огнестрельные ранения головы могли быть причинены выстрелом из пистолета системы «Вальтер»⁷⁹.

Вот тут уже следует обратить внимание не на брехню геббельсовца, а на то, что они установили, – на то, что палачи НКВД старались стрелять не в голову, а в шею. Почему они стреляли в шею, сказано в этой же книжке геббельсовцев чуть дальше: *«...выстрелы в 60 % случаев производились не в затылок, а в голову через верхний позвонок, что обеспечивало меньшее кровотечение и облегчало уборку помещений»⁸⁰*. Геббельсовские подонки и тут пытаются извратить суть дела, ведь задача палача – быстро убить приговоренного, а не уважать труд уборщиц. Так что в шею под голову, в первый позвонок, палачи НКВД стреляли по иной причине, нам в этом сообщении важно число – в 60 % случаев палачи НКВД стреляли приговоренному именно так. Но сначала немного о них.

Нигде не встречал автора, который бы попробовал исследовать странное отношение русских к смерти. С одной стороны, какое-то безразличие, которое, казалось бы, исходит к обыденности смерти. Ведь на протяжении многих столетий смерть от татарской или польской сабли, смерть от голода в осажденном городе, смерть от неурожаев была постоянным спутником русского человека. В осажденном немцами Ленинграде умер, по сути, каждый третий, и не было ни малейшего бунта с требованием сдать немцам, и коммунизм здесь ни при чем. За 330 лет до этого в осажденном поляками Смоленске к лету 1611 года из 80 тысяч жителей города осталось 8 тысяч, но город не сдался, и не сдавались именно жители города, поскольку воевода Шеин уже, по сути, воевал со своим царем (бояре в Москве успели посадить на царский трон польского королевича Владислава). Это одна сторона вопроса.

С другой стороны, у русского человека какой-то панический страх (неудачное слово, но я не подберу другого) перед лишением человека жизни вне зависимости от того, кто этот человек. Русский человек не любит этого процесса, не любит о нем говорить, на него смотреть и старается об этом молчать, хотя прекрасно понимает необходимость убийства определенных людей.

Вот, к примеру, мой опыт. Газета «Дуэль» завела рубрику «Только один бой», в которой приглашает ветеранов Великой Отечественной войны рассказать об одном своем победном бое, по сути, о том, как они во время войны убили немца или немцев. И поразительное дело – даже фронтовики из пехоты, кто действительно убивал, во многих случаях пытаются говорить о чем угодно, но не об этом.

Публичные казни в России отошли в прошлое со смертью Петра (смертной казни вообще долго не было), в XIX веке уже казнили без зевак и только в присутствии тех, кому полагалось по должности. А во Франции, к примеру, публичные казни запретил Гитлер, пораженный многочисленностью желающих получить удовольствие от этого зрелища. До столыпинских казней восставших крестьян и боевиков эсеров (1905–1907 гг.), потребовавших большое количество дополнительных палачей, у России был один палач, который получал по 100 рублей за надевание петли на каждого осужденного, кроме этого, находящийся в данном городе для осуществления казни палач ел и пил бесплатно – хозяева трактиров и ресторанов счета отсылали жандармскому управлению. Заметим, что в 1906 году средний русский крестьянин потреблял продовольствия на 20 рублей 44 копейки в год!⁸¹ Но желающих быть палачом не было. Единственного палача приходилось возить из города в город. Гражданская война требовала казней, а положение с палачами было примерно таким же. Князь Трубецкой, попавший во время Гражданской войны за подготовку мятежа против большевиков в следственный изолятор Москвы, писал, что в то время палачами у большевиков были уголовные преступники, сами приговоренные к смертной казни, которым она откладывалась, пока они исполняли эту работу. При этом *«палачи сидели в камерах всегда одни, несмотря на переполнение тюрьмы. Никто не хотел жить с ними, и тюремная администрация в мое время к этому не принуждала»*⁸².

Но палачи нужны, и все люди это понимали и понимают. И в сталинском СССР стать палачом уговаривали, убеждали, требовали считать это партийным долгом. Палач – не убийца, убийцы те прокурорско-судейские мерзавцы, кто приговаривает невиновного к смерти. Но насколько несправедлива толпа – люди шарахались не от этих прокурорско-судейских ублюдков, а именно от палача! Если судом убит невиновный, то палач-то тут при чем? Поэтому профессия палача в СССР всегда была тайной, даже от членов его семьи. Все понимали, что палач морально очень уязвим, и старались его уберечь. В те годы палачи назывались служащими коменданта Управления Внутренних дел, а сам комендант организационно входил в Административно-хозяйственный отдел Управления. Из-за трудностей в поисках палача их было не много. Скажем, на Москву и Московскую область команда коменданта состояла из 12 чело-

век⁸³. Кроме этого, они, судя по всему, приводили приговоры в исполнение и в других городах. Опубликован, к примеру, приказ наркома ВД Берии, командирующий палача 18 октября 1941 г. в запасную столицу СССР г. Куйбышев для расстрела 25 изменников Родины⁸⁴.

К своей работе палачи относились очень ответственно, что отмечают даже геббельсовцы. Палачи делали все, чтобы по их вине ни один невиновный не пострадал. Общество «Мемориал» пишет: *«Непосредственно перед расстрелом объявляли решение, сверяли данные. Делалось это очень тщательно. Наряду с актами на приведение в исполнение приговоров, в документах были обнаружены справки, требующие уточнения места рождения, а нередко и имени-отчества приговоренного.*

При той поспешности, с которой велось тогда следствие, не приходится удивляться, что в Бутово для исполнения приговора могли привезти одного брата вместо другого или человека, приговоренного не к расстрелу, а к 8 годам заключения; причиной приостановки казни могло еще служить отсутствие фотографии, по которой сверялась личность приговоренного. Во всех этих случаях исполнение приговора откладывалось, людей возвращали назад в тюрьму. Эта скрупулезность на месте казни иногда действовала в интересах людей, но случаи отмены «высшей меры» были крайне редки»⁸⁵.

А у ксендза Пешковского есть такие примечательные строчки: *«...раскоп № 22 оказался нетронутым. Здесь очень мало ценных предметов, единственное – немного одежды, когда-то прекрасная кожаная куртка с большими военными пуговицами. Видимо, во время расстрела она оказалась залитой кровью и ее не сняли»⁸⁶.* Судя по этим мыслям, посетившим ксендза, сам бы святой отец снял эту куртку с того, кого он убивает, но в Харькове палачами были не польские ксендзы, а работники НКВД, а они до мародерства не опускались. Следователь А. Яблоков снисходительно пишет, что палачи НКВД были двуногими зверьми, полностью морально выродившимися⁸⁷, к Яблокову в фильме «Память и боль Катыни» присоединяются и семь генералов и полковников юстиции, упирая на то, что палачи НКВД, дескать, занимались этой работой потому, что им после расстрелов давали водку. Должен сказать, что к такому выводу могли прийти только те, кто сам за водку согласен убить кого угодно, если безнаказанность будет обеспечена.

А что касается темы морального вырождения, то к вопросу о том, кто в те годы являлся двуногими зверьми – палачи или прокуроры, – есть характерный пример. Несколько выше я касался темы убийств Сталина и Берии. По распространенной хрущевцами фальшивке, Берия якобы организовал заговор против партии, его арестовали в июне 1953 г., затем арестовали его пособников, Генеральный прокурор СССР Руденко якобы вел следствие, которое якобы закончилось тайным судом, по приговору которого Берию и заговорщиков расстреляли. На самом деле Берию подло убили в июне 1953 г., о чем Хрущев открыто говорил за границей, потребовалось это убийство скрыть, для чего прокуроры сфабриковали «заговор» и в качестве «заговорщиков» арестовали невинных людей, суда над ними, естественно, не было, и подонки-судьи просто подписали бумажку под названием «Приговор». Но эта бумажка, правильно оформленная, являлась официальным приказом палачам убить этих невиновных. Однако хрущевцы даже не пытались к этому делу привлечь палачей Москвы – хрущевцам было ясно, что это честные люди и они этого преступления не совершат, даже если оно обставлено всеми необходимыми бумагами. Так вот, догадайтесь, кто взял в руки пистолеты и убивал невиновных? Правильно: судья и прокурор! Приглашенные сначала для этой цели генералы Советской Армии отказались убивать, а судейско-прокурорские подонки охотно взялись! Кобулова, Меркулова, Мешика, Влодзимирского, Деканозова и Гоглидзе лично убили судья Лунев и заместитель Главного военного прокурора Китаев⁸⁸. Так где работали двуногие звери – в команде коменданта МВД СССР или в Главной военной прокуратуре СССР?

Нынешняя прокурорская часть бригады Геббельса злорадствует – многие из палачей НКВД впоследствии застрелились. Да, застрелились! Как еще эти честные и совестливые люди могли воспринять хрущевские вопли о том, что при Сталине, дескать, убивали невинных? Палачи ведь расстреливали преступников, в чем их уверяли бумаги, подписанные судьями и прокурорами. А при Хрущеве вся пресса начала кричать, что эти преступники были невинны. Что палачи должны были чувствовать, какой Шекспир опишет их переживания и муки?

Но кто ответит на вопрос: а сколько застрелилось тех подонков-прокуроров, которые требовали для невинных смертной казни, сколько застрелилось судей, подписывавших смертные приговоры невинным? Дождетесь вы этого от двуногих зверей!

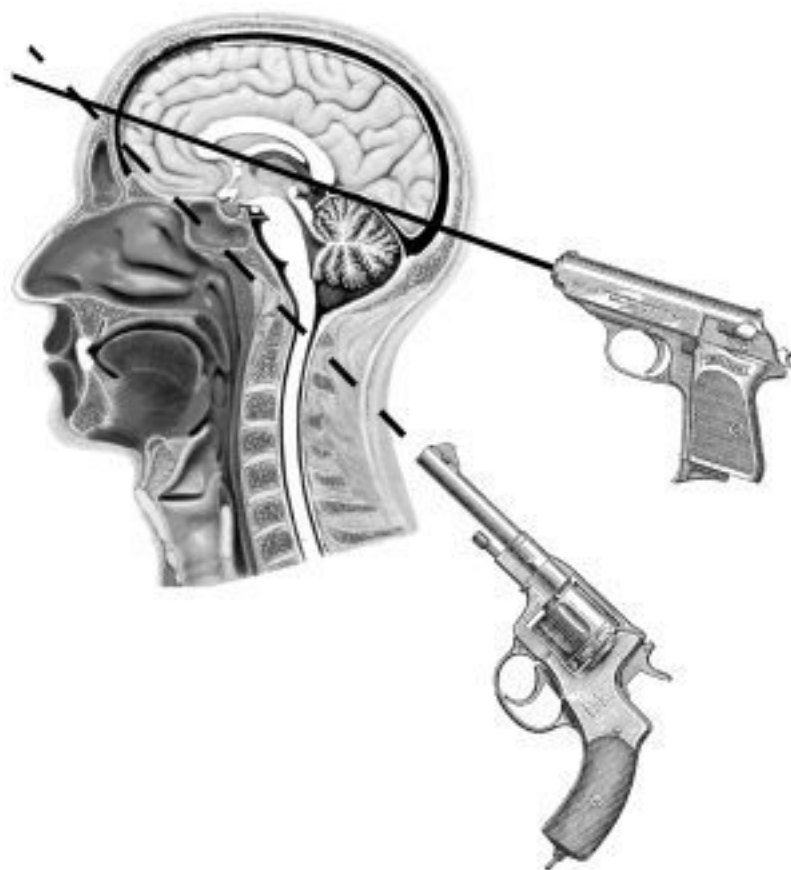
Прокуроры, которые фабриковали дела на невинных, стали при Хрущеве фабриковать теперь уже реабилитационные дела на тех, кого они убили, а те же самые подонки-судьи, выносившие смертные приговоры, скажем, председатель военной коллегии Верховного суда А. Чепцов, начали посмертную реабилитацию^{89,90}. Твари без чести и совести!

Но вернемся к почерку. Дело в том, что выстрел в голову, в мозг, как правило, смертелен, хотя у этого правила есть и поразительные исключения. Смерть даже от сквозного прострела мозга не обязательна и, что в данном случае главное, наступает не сразу, а через несколько минут. В бою это не имеет значения – солдату главное попасть, а через какое время уже обезвреженный противник умрет, неважно. Поэтому, если казнь занимается любитель, которому к тому же наплевать на муки казнимого, то любитель будет стрелять прямо в заднюю часть головы, в череп – так удобнее, так быстрее и не надо выворачивать руку с пистолетом.

Однако палачам из НКВД было не все равно, сколько после их выстрела будет еще жить приговоренный, они не хотели, чтобы по их вине дополнительно мучился пусть даже и преступник. И они стреляли под череп, в шею снизу вверх, целясь в первый шейный позвонок. В этом месте находится нервный узел, соединяющий мозг со всем телом, и при его разрушении смерть наступает мгновенно.

Процедура казней в СССР была такой. Приговоренного сначала вводят в комнату, в которой находятся палач и прокурор, надзирающий за приведением приговоров в исполнение. Прокурор сверяет анкетные данные приговоренного с приговором, чтобы по ошибке не казнить не того. Затем прокурор сообщает приговоренному и, это главное, палачу, что данный преступник приговорен к смертной казни судом, имеющим на это право, а все законные прошения приговоренного о помиловании отклонены тем органом власти, который имеет на это право. В 30-е годы, когда расстрелов было много, эту процедуру проводили со всеми приговоренными перед казнью, а потом начиналась собственно казнь. Палачей берегли от чрезмерного нервного напряжения, и расстрелы каждый день не проводились. Даже в пик чисток и даже в Москве расстрелы проводились от 1 до 15 дней в месяц, в среднем 7–8. (В сентябре 1937 г. было 15 «расстрельных» дней, в сентябре 1938-го – 1.)

После того как палач убеждался, что никаких ошибок и неясностей нет, его помощники вели приговоренных в камеру собственно расстрелов, где палач делал преступнику смертельный выстрел. Утверждают, что приговоренный к смерти часто впадает в ступор и не сопротивляется. В этом случае палач имеет возможность прицелиться и выстрелить снизу вверх в первый шейный позвонок. Если приговоренный бьется в руках помощников, то тогда, конечно, палачу не до прицеливания и выстрел следовал прямо в голову, чтобы прекратить мучения приговоренного. Затем врач убеждался в том, что у казненных остановилось сердце.

Почерк расстрела: немецкими айнзацкомандами (1) и палачами НКВД (2)

Таким образом, безусловным почерком палачей НКВД был выстрел в шею – в первый шейный позвонок. И именно такой выстрел отметила следственная бригада ГВП в Харькове и Медном, причем в Харькове они эксгумировали останки на кладбище, где безусловно хоронились преступники, расстрелянные НКВД, а не немцами. А до Медного немцы вообще не дошли. Нынешние геббельсовцы дали нам и число – 60 % выстрелов в шею были безусловным почерком НКВД. А в 1943 г. немцы, эксгумируя тела поляков в Катыни, тоже сделали данное исследование и зафиксировали число⁹¹. Давайте теперь численные данные сведем в табличку и посмотрим, что получится.

Место расстрела	Оружие	Выстрел %	
		в голову	в шею
Харьков и Медное	Советское	40	60
Катынь	Немецкое	98,5	1,5

Теперь давайте посмотрим на последнюю колонку и на то, чьим оружием производился расстрел, и оценим собственное мнение. Какое оно у вас? Если бы я расследовал не фальсификацию этого дела Генпрокуратурой и архивистами России, а вопрос, кто убил польских офицеров в Катыни, то, дойдя до этого места, всю работу бросил бы: зачем? Что – не ясно, кто этих поляков в Катыни убил? Но я расследую другое дело...

Череп из могил под Медным. Прутья, вложенные во входное и выходное пулевые отверстия, показывают угол, под которым производился выстрел

* * *

Давайте как-то систематизируем рассмотренное. Не знаю, какое убеждение сложилось у вас, судей, возможно, вы знаете какие-то факты, которых не знаю я, или у вас есть собственные логические схемы, которые я не рассмотрел в этой главе. Но мое убеждение таково.

Какой-либо диалог с поляками бесполезен. Даже польскому народу ситуацию не просто объяснить, поскольку поляки уже европейцы и немотивированное убийство пленных им понятно и для них абсолютно вероятно. Но мы и не доберемся до польского народа, поскольку между нами и им стоит и нынешний режим России, и польская шляхта, которая алчно, подло и нагло фальсифицирует это дело и превращает его в предмет разжигания ненависти поляков к русским.

Я уже писал: как мне сообщили в посольстве Польши, 800 тысяч поляков мечтает получить с России денежную компенсацию за Катынь, и это не просто алчный обыватель, возмечтавший о халяве. Это организация, союз «Катынских семей», имеющая свое управление, знамена, хоругви⁹². Это вам не какая-то Польская объединенная рабочая партия, тут люди запах денег чувствуют.

Далее, бригада Геббельса за 60 лет не смогла придумать мотива убийства пленных польских офицеров Советским Союзом. Поступившие в ее распоряжение архивы СССР не помогают: от лучших умов геббельсовцев в этом вопросе толку нет. А это убеждает, что и в дальнейшем они уже ничего не придумают. В то же время мотив убийства поляков немцами настолько открыт, ясен и ими же и подтвержден документально, что бригада Геббельса и вспоминать о нем боится.

Бригада Геббельса в своей безмозглой деловитости собрала неопровержимые численные доказательства, что почерк расстрела поляков в Катыни кардинально отличается от почерка расстрелов палачей НКВД. С учетом того, что палачи НКВД расстреливали приговоренных советским оружием, а в Катыни поляки убиты немецким, этот факт неопровержимо свидетельствует, что поляков в Катыни убили немцы. Но поскольку нам этот вопрос уже не интересен, оценим то, что делала следственная бригада Главной военной прокуратуры СССР, а затем – России.

Вместо определенной Уголовно-процессуальным кодексом эксгумации останков только специалистами, предупрежденными об уголовной ответственности, следственная бригада ГВП на советских кладбищах устроила антисоветское пропагандистское шоу с массовыми гуляниями, разве что без танцев. По могилам не топтался и не собирал сувениры разве что ленивый. Обязанный наблюдать за законностью эксгумации полковник Третьцкий правил вместе с ксендзом католические богослужения⁹³, а в это время поляки имели возможность тащить из могил или подкладывать в них все, что угодно.

Месса в подвалах Тверского НКВД.

Святое послание читает по-русски полковник Александр Третьцкий

Тем не менее свидетельства, сделанные непосредственно с мест эксгумации (фотографии ксендза Пешковского, кадры фильма «Память и боль Катюни» (заверенные двумя генералами, тремя полковниками, подполковником и майором ГВП РФ), доказывают, что следственная бригада не нашла никаких доказательств даже того, что на обследованных кладбищах похоронены хоть какие-нибудь поляки.

Происхождение появившихся через несколько лет «вещественных доказательств» сомнительно, поскольку, по заверенным полковником Радевичем показаниям Пешковского, они не приобщались к уголовному делу, а все увозились в Польшу. Найденные «документы и газеты», пролежавшие в болотной жиже грунтовых вод 50 лет, – явная фальшивка, и то, что ГВП этими фальшивками оперирует, говорит о том, что ГВП дело не расследует, а подло фальсифицирует.

Об этом говорит и то, что ГВП нагло брешет в своих официальных документах: найдя всего 62 простреленных и неизвестно чьих черепа, прокуроры утверждают, что обследовали 167 останков поляков. Найдя до двух десятков простреленных черепов, пишут, что обследовали 243 останка поляков. Явная и подлая лож каких-либо сомнений в ее умышленности не оставляет.

И еще один моментик. По свидетельству ксендза Пешковского, в разрытых могилах было много ценностей – обручальных колец, цепочек, нательных крестов, орденов, золотых зубных коронок. Поскольку только незначительная часть могил могла быть польскими, то, следовательно, крайне незначительная часть этого золота и антиквариата оформлена следственной группой как вещественные доказательства по уголовному делу № 159. А куда прокуроры дели остальные ценности, кому продали, заплатили ли налоги? Это вопрос!

Но оставим на время нынешних геббельсовцев и займемся тем, как фальсифицировал Катынское дело их предшественник и учитель – доктор Йозеф Геббельс под руководством Адольфа Гитлера.

Примечания

1. Два взгляда из-за рубежа. Переводы. М.: Политиздат, 1990, с. 241–242.
2. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. X. М.: Соцэкономлитература, 1963, с. 360.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Кн. 1. М.: Алгоритм, 2002, с. 60.
4. Карнер, с. 171.
5. Карнер, с. 184.
6. *Кара-Мурза С.Г.* «Совок» вспоминает. М.: Алгоритм, 2002, с. 36–38.
7. Фуллер, с. 292.
8. Фуллер, с. 302.
9. Ревизионистская история: взгляд справа. М.: ББЯ, 2003, с. 72.
10. Карнер, с. 270.
11. Независимая газета, 16.02.1998, с. 6.
12. Коммерсант-Власть, № 6: 15.02.2000.
13. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М.: Художественная литература, 1959, с. 28.
14. Черчилль. Кн. 1, с. 183.
15. История Второй мировой войны. Т. 1, с. 167.
16. *Дейтон Л.* Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. С. 470.
17. Там же.
18. *Кожин В.* Россия. Век XX (1939–1964). М.: Алгоритм, 1999, с. 224.
19. История Второй мировой войны. Т. 3. с. 72.
20. Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Госкомстат России, с. 20.
21. Там же, с. 467.
22. Там же, с. 468.
23. СИА (Центральное разведывательное управление). Информационно-аналитические справочники для Правительства США. Том «Страны мира». Екатеринбург, У-Фактория, 2001, с. 424.
24. Там же, с. 267.
25. *Мухин Ю.* Убийство Сталина и Берия, с. 56.
26. Там же, с. 158–167.
27. *Дробязко С., Каращук А.* Русская освободительная армия. М.: АСТ, 1998, с. 35.
28. *Мухин Ю.* Убийство Сталина и Берия, с. 72–81.
29. Бутовский полигон. 1937–1938. М.: Институт экспериментальной социологии, 1997, с. 350. (Далее – **Полигон**).
30. ВИЖ, № 2, 1991, с. 23–25.
31. Полигон, с. 350.
32. Дуэль, № 33, 2000, с. 5.
33. Полигон, с. 18–20.
34. *Кожин В.* Россия. Век XX, с. 224.
35. Московские новости, № 25, 1992, с. 18.
36. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. Кн. 1, с. 215.
37. Завтра, № 45, 2002, с. 1.
38. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995, с. 544.
39. Полигон, с. 349.

40. Полигон, с. 351.
41. Полигон, с. 355.
42. Драма, с. 168.
43. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация, с. 418.
44. ВИЖ, № 6, 1995, с. 4–9.
45. Пилсудский, с. 247.
46. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Госюриздат, 1953, с. 18.
47. Драма, с. 175.
48. Расстрел, с. 29.
49. Синдром, с. 465.
50. Военные архивы России, № 1, 1993, с. 118.
51. Драма, с. 229.
52. Расстрел, с. 280–283.
53. *Ржевская*. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М.: Слово, 1994, с. 211.
54. *Толланд Д.* Адольф Гитлер. Кн. 2. М.: Интердайджест, 1993, с. 79.
55. *Ржевская Е.* Геббельс. С. 211, 212, 217, 220.
56. Драма, с. 84.
57. Дуэль № 43, 2002, с. 5.
58. Расстрел, с. 561–562.
59. Синдром, с. 482.
60. *Пешковский З...* И увидел ямы смерти Харьков – Медное – Катынь. Перевод С. Родевича. Польша, Русское издательство «Катажина Флиэгер». 1995 с. 68. (Далее – **Пешковский.**)
61. Пешковский, с. 65–79.
62. Пешковский, с. 77–78.
63. Пешковский, фото 44.
64. Пешковский, фото 24.
65. Пешковский, фото 54.
66. Пешковский, фото 27.
67. Пешковский, с. 33.
68. Пешковский, с. 40.
69. Пешковский, с. 76.
70. Пешковский, с. 7.
71. Пешковский, с. 82.
72. Драма, с. 177–178.
73. Пешковский, фото 56.
74. Драма, с. 175.
75. Пешковский, с. 40.
76. Пешковский, с. 30.
77. Бутовский полигон, с. 26.
78. Пешковский, с. 40.
79. Синдром, с. 328.
80. Там же, с. 413–414.
81. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация, с. 67.
82. *Трубецкой С.* Минувшее. М.: ДЭМ, 1991, с. 267.
83. Полигон, с. 25.
84. *Мухин Ю.* Убийство Сталина и Берия, с. 297.
85. Полигон, с. 25.
86. Пешковский, с. 22.
87. Синдром, с. 362.

88. *Мухин Ю.* Убийство Сталина и Берия, с. 298.
89. Литературная газета № 11, 1989, с. 3.
90. *Кузнецов Н.Г.* Накануне. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1991, с. 191.
91. Расстрел, с. 486.
92. Пешковский, фото 40.
93. Пешковский, фото 58.

Глава 2

Фальсификация Катынского дела немцами и поляками в 1943 г

Бригада Геббельса в 1943 г

Напомню, что для немцев Катынское дело было решающим пропагандистским сражением войны, благодаря которому немцы объединяли вокруг себя Европу под знаменами борьбы с жидобольшевизмом. Показывая тогдашним европейцам трупы других европейцев – польских офицеров, немцы вкладывали в сознание жителей Европы страх того, что с ними будет, когда вслед за русскими казаками, английскими сипаями и американскими неграми в Европу ворвутся и русские, английские и американские евреи с мстостью за предвоенный европейский антисемитизм.

Поэтому немцы к этому делу подходили ответственно: им лично руководил Гитлер, Геббельс сам руководил кампанией прессы в освещении Катынского дела, Риббентроп руководил внешнеполитической стороной этого вопроса и, в частности, подбором за рубежом тех лиц, которых можно было пригласить оттуда на осмотр трупов. В их числе были и писатели, и журналисты, и судмедэксперты, и прочие, кто за деньги способен был написать для немцев в прессе нужный пропагандистский материал. Однако это были не просто желающие – специально оговаривалось, что это должны быть люди антибольшевистских или антисемитских убеждений¹.

Но это одна сторона вопроса. Ненавистью к евреям подбор кадров не ограничивался – в Смоленске тщательно готовились и те, кому полагалось встречать делегации. Место, которое до прихода немцев в Смоленск было излюбленным местом гуляний смолян, было обнесено колючей проволокой, сделаны ворота. Помимо того, что его охраняла жандармская часть, укомплектованная поляками в немецкой форме, дополнительно были присланы и чисто немецкие жандармы². В Катыни действовали немецкая рота пропаганды и специальные офицеры, к которым Геббельс предъявлял высокие требования. На уже упомянутых инструктажах он приказывал: *«Международный Красный Крест, приглашенный не только нами, но и поляками, не может более уклоняться от этого приглашения, иначе мы обрушимся на Красный Крест. Мы должны принять его очень вежливо, безо всякой пропагандистской тенденции. Мы скажем: «Нам нужна правда!» Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими же должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать. Министр, между прочим, считает целесообразным, чтобы присутствовал кто-то из круга министерской конференции, чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться. Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОВК, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу»³.*

Вы видите, что, будучи умным человеком, Геббельс не скрывал от подчиненных, что Катынское дело – это фальшивка. Не скрывал, чтобы позволить подчиненным действовать осмысленно, не заблуждаться и тем самым не допустить ошибки. Он прекрасно понимал, что «кадры решают все» (ему, кстати, принадлежат и слова: «Я не Сталин, но я им стану»), и требовал отобрать для Катыни самых умных офицеров и журналистов, дать им время на осмысле-

ние ситуации и на подготовку к тому, что нужно делать, если при раскопках все эти комиссии наткнутся *«на вещи, которые не соответствуют нашей линии»*. А то, что там такие вещи есть, Геббельс, как видите, не сомневался. Главное было, чтобы на них не наткнулись. И заметьте, никакой самостоятельности для приезжающих комиссий не допускалось: программа их пребывания должна была быть расписана даже не по часам, а по минутам – посмотрите на то, что тебе показывают *«ловкие офицеры»*, и будь здоров!

Как вы помните из первой части этой книги, гестапо послало гонцов сообщить полякам армии Андерса о том, что польские офицеры расстреляны русскими, еще в декабре 1941 года. У нас обязан возникнуть вопрос: а почему немцы не раструбили об этом на весь мир уже тогда, в конце 1941-го? Причем если бригада Геббельса об этом факте молчит, то уж о следующем молчать не может.

Отступление немцев от Москвы, зима 1941–1942 гг.

Могилы с польскими офицерами немцы закопали так небрежно, что их даже зимой, в январе 1942 г., нашли поляки, служившие в немецкой армии⁴. Убедившись, что это могилы польских офицеров, поляки поставили на них кресты. Надо представить и обстановку в Катynie. Здесь дислоцировался штаб немецкой группы армий «Центр» и был построен командный пункт Гитлера на Восточном фронте. То есть район Катynie был перенасыщен немецкими войсками и штабными частями. И вот польские солдаты вермахта в начале 1942 г. сообщили о находке немецкому командованию. И что? Ничего! Польский геббельсовец Ч. Мадайчик пишет о немцах, что *«они не проявили к этому особого интереса»*⁵. А почему? У них что, все Министерство пропаганды в декретный отпуск ушло во главе с Геббельсом? С 5 декабря 1941 г. по 20 августа 1942 г. как раз на группу армий «Центр» шли непрерывные атаки советских войск. Гитлер дал войскам группы «Центр» приказ «Ни шагу назад!», названный самими немцами «Стоп-приказом». 15 января 1942 г. Гитлер снял за отступление командующего 9-й армией генерал-полковника Штрауса. Кейтель об этой страшной зиме пишет: *«...Катастрофы удалось избежать только благодаря силе воли, настойчивости и беспощадной твердости Гитлера. Если бы продуманный план поэтапного отступления в том виде, в каком его желала осуществить в своем узколобом, эгоистическом и диктуемом бедственной ситуацией ослеплении тяжело теснимая и страдающая от жутких холодов (этой причины апатии) группа армий «Центр», не был перечеркнут неумолимым, бескомпромиссным противодействием и железной энергией фюрера, германскую армию в 1941 г. неизбежно постигла бы судьба наполеоновской армии 1812 г. Это я как свидетель и участник событий тех страшных недель должен сказать совершенно определенно! Все тяжелое оружие, все танки и все моторизованные*

средства остались бы на поле боя. Сознывая возникшую таким образом собственную беззащитность, войска лишились бы также ручного оружия и, имея за своей спиной безжалостного преследователя, побежали бы.

...К началу января 1942 г. на всем Восточном фронте удалось изменить существовавшую до начала декабря группировку войск и создать более или менее упорядоченный фронт обороны. Ни о каком зимнем покое не могло быть и речи. Русские проявляли себя крайне активно и переходили в наступление во многих местах чрезвычайно ослабленного потерями и удерживаемого чуть ли не одними боевыми охранениями, растянувшегося тонкой линией фронта. Инициатива находилась в руках врага – мы были вынуждены перейти к обороне и расплачивались за это ощутимыми потерями.

...Сухопутные войска потеряли за первые месяцы зимы более 100 тыс. человек, в декабре 1941 г. и начале 1942 г. – вдвое больше. Армия резерва отдала всех новобранцев, включая контингент 1922 г. рождения»⁶.

И немцам, чтобы усилить стойкость своих солдат в этой ужасной для них обстановке, не потребовался устрашающий пример того, что русские делают со взятыми в плен?!

Причина молчания немцев единственна, и она, разумеется, в другом. Если немцам в январе 1942 г. закричать, что русские расстреляли поляков, то придется тут же раскрыть могилы. А польских офицеров немцы расстреляли осенью 41-го, тела лежали в могилах только 3–4 зимних месяца, они сохранились как в морге. Они никак не были похожи на тела, которые лежали в могиле с мая 1940 г., т. е. два лета. Никто бы не поверил, что они лежат так долго. Вот это единственная причина, почему немцы в Катыни спотыкались о кресты, поставленные на могилах польских офицеров, но до весны 1943 г. ни звука не испустили по этому поводу. Но это, разумеется, и неопровержимое доказательство того, что поляков в Катыни расстреляли немцы, настолько неопровержимое, что нынешние геббельсовцы предпочитают о нем молчать либо лепетать нечто идиотское, типа лепета Ч. Мадайчика про отсутствие у немцев «интереса».

Но вот с начала весны 1943 г. в Катыни начинается работа комиссии под председательством немецкого профессора Г. Бутца. Специалист он замечательный: его не только ценил доктор Геббельс и гестапо, о нем высоко отзывается и весь нынешний состав бригады Геббельса. Вместе с ним работали столь же высокопрофессиональные специалисты судебной медицины из всех вассальных Германии стран, а также из Испании и Швейцарии, тщательно отобранные Риббентропом по принципу наличия антисемитских взглядов.

Правда, немцы не всегда церемонились. Среди членов геббельсовской комиссии был чехословацкий профессор судебной медицины Ф. Гаек, и он так описывал в 1952 году принцип формирования комиссии: *«Тогдашнее Министерство внутренних дел протектората передало мне приказ гитлеровских оккупантов направиться в Катынский лес, указывая при этом, что если я не поеду и сошлюсь на болезнь (что я и делал), то мой поступок будет рассматриваться как саботаж и в лучшем случае я буду арестован и отправлен в концентрационный лагерь»*. Строга была бригада Геббельса. И вот эта «международная комиссия» с угрозой концентрационного лагеря *«в лучшем случае»* приступила к написанию отчета со «своими» выводами по Катынскому делу. *«Небезынтересно, – пишет Гаек, – происходило также составление тогдашнего отчета с подписями судебно-медицинских экспертов из оккупированных европейских стран. Некоторые не владели в такой степени немецким языком, чтобы суметь написать научный отчет. Написал его и стилизовал немецкий врач из Бреславля Бутц...»⁷*.

Не менее интересно происходило и подписание отчета, о чем свидетельствует уже другой член международной комиссии, болгарский судмедэксперт Марко Марков. Утром 1 мая 1943 года международная комиссия, побыв в Катыни 2 дня и вскрыв 9 трупов, вылетела обратно, но вместо Берлина самолет неожиданно приземлился на глухом уединенном аэродроме. *«Аэродром был явно военным, – рассказал доктор Марков. – Там мы обедали, и сразу после обеда*

нам предложили подписать экземпляры протокола. Нам предложили их подписать именно здесь, на этом изолированном аэродроме!»⁸.

Правда, нынешняя бригада Геббельса этим членам международной комиссии уже категорически не верит. Вот, к примеру, Мадайчик пишет: «...*правдоподобность изменения мнения М. Маркова умаляет тот факт, что в 1944 году он вошел в конфликт с болгарской народной властью, был арестован и должен был идти под суд «за участие в провокационном катынском деле». Но после того как он поставил под сомнение свою подпись под протоколом международной медицинской комиссии, его освободили»⁹.*

Правдоподобность повествования самого Мадайчика сильно умаляют следующие факты.

Во-первых. Помимо общего протокола каждый член комиссии писал свое собственное заключение на родном языке. Марков в этом заключении не сделал выводов о том, что поляки убиты в 1940 году, и, несмотря на то, что впоследствии немцы сильно на них настаивали, он не сделал их и впоследствии.

Во-вторых. По этой причине «народная власть» не могла иметь претензий к Маркову, и он сам явился в софийский суд с заявлением о Катынском деле в январе 1945 года, когда в Болгарии была власть многопартийного Отечественного фронта. Коммунисты пришли к власти в Болгарии только в 1946 году.

А профессор Гаек выпустил в Праге брошюру «Катынские доказательства» в 1945 году, в правление чешского аналога польского Сикорского, но только более умного – Бенеша. В Чехословакии, кстати, в это время находились не только советские войска, но и американские, причем наши покинули Чехословакию раньше американцев.

Итак, эта комиссия подготовила рукой Бутца акт и подписала его на неизвестном аэродроме. На основании этого акта немцы опубликовали в 1943 г. в своей прессе «Официальный материал...», от которого нынешняя бригада Геббельса в восторге. «*Проводимые с немецкой дотошностью эксгумационные работы...*»¹⁰ – хвалят геббельсовцы профессора Г. Бутца, нимало не смущаясь, что медицинские выводы Бутца были сделаны на основе околонучного бреда, о чем геббельсовцы нам через 200 страниц тоже сообщают: «*Предложенный венгерским профессором Ф. Оршосом метод псевдокаллуса (датировка по солевым отложениям на внутренней поверхности черепа) не нашел достаточного последующего подтверждения медицинской практикой*»¹¹.

Противопоставляя эту замечательную по своей научной бредовости работу тому, что впоследствии расследовала в Катыни советская комиссия под руководством академика Бурденко, «эксперты» прокурорской части геббельсовцев так оценивают изделие Г. Бутца: «*1. «Официальный материал...» имеет вполне ясную структуру изложения и фактически приводит относительно полные данные о характере тех действий, которые были осуществлены в ходе эксгумации в апреле – июне 1943 г., дает протокол исследования массовых могил и выводы экспертизы, которые подписали участники международной комиссии врачей*»¹².

А польские профессора различных наук, которые провели «экспертизу» заключения комиссии Бурденко и нашли его фальшивым¹³, даже и в мыслях не держали проанализировать на этот счет и «Официальный материал...» немцев – как можно! Жена Цезаря – вне подозрений!

Все «расследование» немцев, помимо бредовых медицинских выводов, было построено на сборе у трупов документов и утверждении, что среди этих документов нет бумаг с датами позже мая 1940 г. Эти бумаги то ли в 9, то ли в 14 ящиках числом 3184 единицы перевозились на двух грузовиках¹⁴. Поскольку исполнены катынские документы были на польском и русском языках, то наверняка немцы где-нибудь какую-нибудь дату упустили и мы можем немцев уличить, если посмотрим эти документы заново. Черта с два!

При наступлении советских войск немцы эти документы перевезли из Кракова под Дрезден, а когда стало ясно, что поражение Германии неминуемо, как пишет известный геббельсовец Ч. Мадайчик, *«здесь начальник железнодорожной станции при приближении советских войск сжег в соответствии с распоряжением документы»*¹⁵. Как вам это нравится? Бригада Геббельса пытается сделать вид, что ничего особого не произошло – дескать, это обычное дело, когда подсудимый уничтожает оправдывающие его документы. И те читатели, кто с этим согласен, может идти в посольство Польши и требовать себе польский паспорт – он поляк! Я же до такого состояния еще не дошел и утверждаю, что немцы сожгли эти документы именно потому, что в них содержалось доказательство их вины. И этих доказательств было много.

К примеру. Фотокопии части найденных в могилах документов немцы опубликовали в 1943 г. в книге «Официальные материалы о массовом убийстве в Катыни». До захвата советских архивов геббельсовцами в 1991 г. директором Центрального государственного особого архива СССР, в котором хранились документы на польских военнопленных, был В.Н. Прибытков. И он пишет об этих «Официальных материалах...» немцев:

*«...Решающий документ, приведенный в книге, представляет собой свидетельство о гражданстве, выданное капитану Стефану Альфреду Козлинскому в Варшаве 20 октября 1941 г. (с. 330). То есть этот документ, содержащийся в официальном немецком издании и извлеченный из катынской могилы, полностью перечеркивает версию гитлеровцев о том, что расстрелы были произведены весной 1940 г., и показывает, что расстрелы производились после 20 октября 1941 г., то есть немцами»*¹⁶.

Немцы имеют репутацию людей, которые все делают очень тщательно, и если уж у них подобные документы попали даже в итоговые «Официальные материалы...», то сколько же их было в этих 14 сожженных ящиках?

Уничтожение свидетелей немецко-польскими геббельсовцами

Ну хорошо, вещественные доказательства немцы уничтожили, но ведь еще остался профессор Бутц. Он-то после войны что показал о расследовании дела, которое возглавлял? Нынешние геббельсовцы об этом молчат, даже не обращают внимания на своего старого брехуна Л. Ежевского, который по обыкновению врет, что Бутц, дескать, погиб под бомбежками авиации союзников¹⁷. Поскольку польский историк Ромуальд Святек этот вопрос высветил: профессора Бутца убили не союзники, а сами немцы в 1944 г.¹⁸. А это как вам нравится? Вещественные доказательства уничтожили, главного свидетеля – убили!

В 1943 г. в Катыни по принуждению немцев давали лживые «свидетельские» показания приезжающим «международным комиссиям» Годезов и Сильвестров. Интересно, а какие показания они дали после освобождения Смоленска? Никаких. Юстиции подполковник Яблоков в этом случае лапидарен: *«Как показало расследование, Годезов и Сильвестров внезапно у мерли в 1943 г.»*¹⁹. И все. Как вы понимаете, если бы им помог умереть НКВД, то Яблоков употребил бы для воплей все свое косноязычие. А тут молчит. Не хочет порадовать нас подвигами гестапо.

Ну ладно, главного свидетеля фальсификации Г. Бутца и часть местных свидетелей геббельсовцы убрали. Но ведь были и еще лжесвидетели: 73-летний П. Киселев и 28-летний И. Кривоцерцев. В 1943 г. в Катыни эти свидетели тоже рассказывали различным немецким «полуответственным» комиссиям, как НКВД расстреливал поляков. Когда наши войска освободили Смоленск, Киселев явился в НКВД и повинился в том, как не устоял перед гестапо и оклеветал Родину. А Кривоцерцев сбежал с немцами, т. е. остался тверд в своих показаниях. Неплохо было бы послушать его послевоенные рассказы. Не получится. Следователь ГВП подполковник А. Яблоков так об этом сообщает: *«Именно так поступили с важнейшим свидетелем Иваном Кривоцерцевым (псевдоним – Михаил Лобода), который дал немцам показания о том, что в Катынском лесу сотрудники НКВД расстреляли польских военнопленных, и указал места их захоронения. Как было установлено, осенью 1946 г. в составе 2-го танкового корпуса Кривоцерцев прибыл в Великобританию. В октябре 1948 г. британские власти в ответ на запросы польской армейской разведки сообщили, что Кривоцерцев умер в 1947 г., но отказались сообщить подробности. Ходили слухи, что Кривоцерцев повешен или сам покончил жизнь самоубийством»*²⁰.

Предварительно замечу, что, по словам тех, кто знал Яблокова по работе в ГВП, этот подполковник крайне туп и косноязычен. Поэтому, хотя он и ссылается, что приведенные им факты занесены в тома 2/54 и 25-й уголовного дела № 159, но нельзя гарантировать, что они занесены именно так. По Яблокову, получается, что Кривоцерцев боролся с фашизмом в рядах британской армии, а потом какая-то польская армейская разведка захотела с ним переговорить. (Интересно, сообщил ли начальник этой армейской разведки польскому Генштабу, что он вошел в контакт с британским правительством, или, по мнению Яблокова, это излишне?) И, как видите, Главная военная прокуратура убеждена, что ее дело № 159 рассматривать будут либо идиоты, верящие, что у каждого русского крестьянина, кроме имени, отчества и фамилии, был еще и запасной паспорт с псевдонимом, либо подонки, которые будут делать вид, что вот эта яблоковская галиматья – это и есть то, что называют расследованием уголовного дела.

Упомянутый мною геббельсовец Леопольд Ежевский не знал, что Яблоков о Кривоцерцеве будет брехать именно так, поэтому и написал, как происходило дело. Кривоцерцев удирал с немцами и сдался американцам, те, вместо того, чтобы выдать его СССР, переправили его в Италию во 2-й польский корпус армии Андерса, поляки сделали ему фальшивый паспорт на украинскую фамилию Лобода и вывезли с собою в Лондон. И вот когда это обнаружилось,

Кривозерцева и нашли повешенным²¹. Как видите, не только немцы уничтожали свидетелей фальсификации, но и поляки. Кстати, все свидетели Катынского дела, кем бы они при немцах ни служили, попав в руки советского правосудия, остались в живых. Бургомистр Смоленска Меньшагин, повторю, умер в глубокой старости в возрасте 82 лет, находясь на полном пансионе в доме престарелых.

Но продолжим проскрипционный список бригады Геббельса.

Убийство прокуроров

Хотя со временем становится лучше видно, но со временем и многое забывается. В этом плане о фальсификации немцами и поляками Катынского дела нам многое могли бы рассказать тогдашние прокуроры. К примеру, советский прокурор, который должен был представить это дело суду на Нюрнбергском процессе, помощник советского обвинителя Николай Димитрович Зоря. Но в ходе этого процесса, 22 мая 1946 г., Н. Зоря в Нюрнберге был найден убитым в своем номере гостиницы. Расследование его смерти привело следователей к выводу, что причиной было *«неосторожное обращение с оружием»*²².

Сын его, Ю.Н. Зоря, к старости стал передовиком бригады Геббельса, он один из «экспертов» прокурорской ее части. Я с ним беседовал, и, когда он мне сказал, что уверен в том, что его отца убил в Нюрнберге НКВД по приказу Берии, мне стало его просто жаль, несмотря на естественное отвращение к геббельсовцу, – нельзя же быть таким идиотом!

Ведь даже самоубийство помощника главного советского обвинителя Нюрнбергского процесса – это страшнейший скандал, это дискредитация и советского обвинения на процессе, и СССР! Кто бы в СССР такое разрешил?! Если бы Н. Зорю хотели убрать, его бы просто отозвали в Москву, скажем, «за новыми доказательствами», там осудили и если требовалось – расстреляли.

Вот, к примеру, А. Яблоков плачет о судьбе своего брата по совести и чести, одного из тогдашних «генералов калугиных», собравшегося сдать американцам советских разведчиков.

«Тех же сотрудников НКВД, которые не сумели сохранить тайну, безжалостно уничтожали. В ходе расследования было поднято архивное уголовное дело в отношении В.Д. Миронова. Миронов, как и майор госбезопасности В.М. Зарубин, являлся кадровым сотрудником Первого управления НКГБ СССР. В 1939–1940 гг. подобно тому, как Зарубин в Козельском лагере, он работал в Старобельском лагере. Оба они среди польских военнопленных вербовали агентуру для нужд внешней и внутренней разведки. В 1941–1944 гг. оба работали в США, где Миронов, заподозрив Зарубина в связи с иностранной разведкой, сообщил об этом своему руководству, после чего был отозван из США и приговорен к пяти годам лишения свободы.

Для организации побега из заключения Миронов решил прибегнуть к помощи американского посольства в Москве, пообещав в обмен на свое освобождение выдать совершенно секретные сведения о польской и советской агентуре в США и другие государственные тайны. В Бутырской тюрьме он познакомился с бывшим польским офицером А.М. Калиньским, которому рассказал о себе и своей работе, сообщив, что большинство польских военнопленных в Катынском лесу расстреляло НКВД и что из их числа была завербована агентура для работы в США, которая ему известна. Он просил Калиньского передать после освобождения письмо в посольство США. Калиньский отнес это письмо администрации тюрьмы. Миронов согласно статьям 58-1 «а» и 58-10 УК РСФСР за измену Родине был на основании постановления Особого совещания от 28 июля 1945 г. расстрелян. Разумеется, история Миронова была скорее исключением, чем правилом»²³.

(Я понимаю, что вы не поняли, почему посадили доносчика Миронова, только впоследствии оказавшегося подонком-предателем. Я тоже не понял, но не удивляюсь, поскольку для работы в Генеральной прокуратуре России нынче нужна только подлость, умственные способности излишни.)

Вот случай, казалось бы, аналогичный случаю с Н. Зорей – некто за рубежом предал. Причем такая мелкая сошка, что ее смерть заметили бы только в тогдашнем ЦРУ США. Но ведь и Миронова не убивают и не инсценируют ему самоубийства – его отзывают в Москву. Как же могли убить Н. Зорю, если его портреты тогда печатали все газеты мира? Бред!

Однако по мере того, как я просматривал все, что мне попадалось по Катынскому делу, у меня начало возникать подозрение в том, что нашего прокурора в Нюрнберге действительно могли убить. Но кто? Тот, у кого был мотив, но не было возможности убрать Н. Зорю с процесса иным способом, нежели убийство.

Дело в том, что в 1946 г. было два правительства Польши – одно законное, находящееся в Варшаве, и одно самочинное, подкармливаемое англичанами в Лондоне по случаю начала «холодной войны» с СССР. Первое правительство имело на Нюрнбергском процессе свою официальную и признанную Трибуналом делегацию. Второе, естественно, не имело. И тогда лондонские поляки сварганили очень обширный документ: «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу: факты и документы» и через английского обвинителя попытались протолкнуть его в Трибунал²⁴. Но в Трибунале Катынским делом занимался Н. Зоря, следовательно, этим документом должен был заняться он.

А у польской шляхты специфические особенности ума, и ей, главное, надо не мешать говорить. Поскольку шляхта живет в своем мире, она плохо понимает, что говорит и как это воспринимается. Ведь мой «Катынский детектив» вызвал в Польше столько злобы не потому, что я нашел какие-то новые факты, а потому, что я проанализировал факты, собранные самой шляхтой.

Отсюда возникает такая версия убийства Н. Зори. Остальные прокуроры Трибунала на этот документ лондонских поляков не обратили внимания, а Н. Зоря обязан был его проанализировать. И если он был неплохим юристом, то, судя по всему, он мог найти в нем прямо противоположное тому, что хотела шляхта, – он мог найти в нем неопровержимые доказательства, что Катынское дело сфабриковано немцами. Он мог по наивности сообщить это британскому прокурору Х. Шоукроссу, а тот – полякам. И у поляков появлялась необходимость не дать Зоре выступить на Трибунале с анализом их галиматии. Но как они могли это сделать иначе, нежели убить его? То есть мотив убийства Н. Зори был только у лондонских поляков. И даты хорошо совпадают: в апреле произведение лондонских поляков издается в Лондоне, потом передается в Нюрнберг, а 27 мая гибнет Н. Зоря.

Еще один довод в пользу этой версии. Упомянутое произведение «Отчет о кровавом убийстве...» специальный комитет лондонских поляков стряпал больше года, но сегодняшние геббельсовцы о нем молчат. И я бы о нем ничего не знал, если бы геббельсовцам не потребовалось обругать обвинителя от СССР Р. Руденко за то, что он не дал защитнику адмирала Дёница на Трибунале этот шедевр огласить²⁵.

Таким образом, версия убийства Н. Зори поляками – единственная, которая имеет обоснованный мотив, но, может быть, и не стоило бы уделять ей внимание, если бы Н. Зоря был единственным убитым прокурором Катынского дела.

Нынешние геббельсовцы убийство еще одного прокурора излагают так. *«Планируемая комиссией Вышинского «подготовка польских свидетелей и их показаний» встретила на своем пути значительные затруднения. Прокурору специального уголовного суда в Кракове Р. Мартини было поручено соответствующее задание. В ответ на его запрос в декабре 1945 г. он получил письменную экспертизу немецкого заключения, подписанную судебно-медицинскими экспертами профессорами Я.С. Ольбрахтом и С. Сегалевичем. Тщательно рассмотрев текст, они указали на его пробелы, ошибки и неточности, некоторые выводы назвали недостаточно доказанными. С одной стороны, они посчитали излишней немецкую обстоятельность (химический анализ под микроскопом, фотографирование в инфракрасных лучах и т. п.), а с другой – слишком кратким срок в 67 дней. Выводы членов международной комиссии были оценены как неполные и расходящиеся друг с другом. И уж совсем невыигрышным для использования в целях подкрепления выводов комиссии Бурденко было утверждение, что датировка убийства невозможна ни на основании судебно-медицинской экспертизы, ни при помощи анализа документов, которые легко подделать. Дальнейшие действия Р. Мартини невозможно предугадать,*

как и установить результаты его расследования. Однако точно известно, что через пять дней после заседания комиссии Вышинского и поручения готовить польских свидетелей и показаний для Нюрнберга Р. Мартини был убит в своей квартире. Показания с членов Технической комиссии ПКК стал снимать генеральный прокурор Е. Савицкий. Эта его работа не привела к решению поставленной задачи»²⁶.

Итак, переведем написанное геббельсовцами на понятный язык. Оказывается, в плане подготовки к рассмотрению Катинского дела на Международном военном трибунале в Нюрнберге польский прокурор Р. Мартини должен был найти свидетелей преступления немцев. Таких еще было много. Когда в 1941 г. немцы захватили советские лагеря с польскими военнопленными офицерами, то не все офицеры стали радостно ждать немецкого плена. Часть, желающая сражаться, бежала, часть ушла с охраной этих лагерей. В основном это были польские офицеры-евреи, над которыми поляки, кстати, и в советских лагерях издевались, называя, в частности, «курляями»²⁷. И эти польские офицеры-евреи в 1946 г. еще не успели все выехать из Польши, поскольку еврейский погром в Кракове, в ходе которого поляками был убит, по советским данным, 291 еврей, а по израильским – около 1000, прошел только осенью 1945 г.²⁸. Кроме офицеров-евреев, были и офицеры-поляки, ушедшие из катынских лагерей. Такие свидетели на Нюрнбергском процессе имели бы, безусловно, огромное значение. А в том, что поляков убили немцы, Р. Мартини, как вы видели, не сомневался – профессора Ольбрахт и Сегалевич доказали, что заключение комиссии Бутца – это бред.

Однако Мартини не успел подготовить свидетелей, поскольку, как сообщают нам геббельсовцы, прилетели какие-то неизвестные геббельсовцам марсиане и убили прокурора Мартини, а заменившему его прокурору Савицкому приказали снимать никому не нужные показания с членов Польского Красного Креста, от которых обвинению заведомо толку было, как от козла молока. Таким образом, убив Мартини, марсиане не дали Польше выступить с обвинением в Нюрнберге.

Осталось выяснить, кем были эти марсиане. Когда советские войска освободили Польшу, то часть Армии Крайовой влилась в Войско Польское и сумела хотя бы так послужить Польше. А часть осталась верной польскому правительству в эмиграции – осталась на нелегальном положении и сохранила с ним связь. Убил Мартини 30 марта 1946 г. солдат 16-й роты группы «Жильберт» именно этой части АК. Этот солдат с 1945 г. легально работал милиционером²⁹. Было ему 19 лет, звали его С. Любич-Врублевский. Врублевский убил прокурора в паре со своей подружкой 17-летней И. Слапянкой³⁰. (Это к вопросу, зачем поляки возили детей показывать черепа в разрытых могилах под Харьковом.) Интересно и то, насколько сильны были тогда банды АК. Убийцы пытались выдать свое преступление за убийство с целью ограбления, когда через неделю их все же поймали, а через несколько дней сторонники АК дали Врублевскому бежать из тюрьмы Кракова. На свободе Врублевский сколотил свою собственную банду АК и был снова пойман только в декабре 1946 г.³¹.

Таким образом, если еще можно колебаться в вопросе о том, убили ли Н. Зорю лондонские поляки или действительно имел место несчастный случай, то с убийством Мартини все ясно. Причем и Мартини был убит в то время, когда лондонские поляки просовывали на Трибунал свою фальшивку.

В 1943 г. на эксгумации трупов в Катини работала комиссия Польского Красного Креста (ПКК). Считается даже, что она сама вела расследования, подсчитывала количество вырытых трупов и устанавливала их личность. Людей в этой комиссии было много, кроме того, множество побывавших в Катини прислали в ПКК свои отчеты. В результате у ПКК, фактически подчинявшегося правительству Польши в эмиграции, накопился довольно приличный архив, собранный из показаний не только геббельсовских мерзавцев, но и порядочных поляков.

Поскольку вы уже должны были присмотреться к тому, что собой представляет бригада Геббельса, то угадайте с трех раз, сможем ли мы ознакомиться с документами архива ПКК? Правильно, вы угадали! Уже упомянутый мною геббельсовец Ч. Мадайчик пишет об этом так: *«Документы Польского Красного Креста были уничтожены во время Варшавского восстания 1944 года, хотя имеется предположение, что часть их уцелела и пока не обнаружена»*³². Теперь догадайтесь сами, поскольку геббельсовцы об этом молчат, по чьему приказу уничтожены или спрятаны эти архивы, если в ходе Варшавского восстания власть в Варшаве принадлежала ставленникам польского правительства в эмиграции?

По идее, у нас для расследования фальсификации немцами Катинского дела в 1943 г. должен быть огромный объем документов, включающий личные документы убитых; переписку немецких пропагандистских органов; отчет Бутца; список убитых пленных, опубликованный в Германии в 1943 г. и в Швейцарии в 1944-м; различные протоколы и отчеты ПКК; показания главных фальсификаторов; соображения ведущих следствие прокуроров. И ничего этого нет! Документы умышленно уничтожены немецкими и польскими геббельсовцами, важные свидетели убиты ими же, один прокурор точно убит геббельсовцами, второй – предположительно. Но, как и требовал от них Геббельс, все перечисленные злодеяния нынешние геббельсовцы называют *«фанатичной жаждой правды»*.

Так что же у геббельсовцев осталось от 1943 г., кроме их болтовни? Они утверждают, что остались в Лондоне отчеты 1943 г. двух председателей комиссии ПКК в Катини: К. Скаржинского и М. Водзинского. О подлинности этих отчетов и спрашивать не приходится...

В сборнике документов 2001 г. геббельсовцы отдали предпочтение *«фрагментам»* из отчета Скаржинского, хотя *«фрагменты из отчета»* Водзинского очень невелики. Видимо, у Водзинского им не нравится излишняя для геббельсовца точность формулировок, типа *«все пулевые ранения были произведены из пистолета при использовании боеприпасов фабричной марки «Geco 7,65D» или «почти в 20 процентах случаев у жертв руки были связаны за спиной плетеным шнуром»*³³.

Поскольку геббельсовцы дали отчет Скаржинского, то и я его дам, но только в полном виде, а не в виде «фрагментов».

Бригада Геббельса о Катыни весной 1943 г

Отчет Технической комиссии Польского Красного Креста о ходе работ в Катыни

17 апреля 1943 года комиссия с временным составом из 3 человек приступила к работе, распределение которой было следующим:

- 1) г-н Ройкевич Людвик – исследование документов в секретариате тайной полиции;
- 2) г-н Колодзейский Стефан и Водзиновский Ежи – розыск и сохранение документов, обнаруженных на останках в Катынском лесу.

В этот день, однако, в работе наступил перерыв в связи с приездом польской делегации, состоящей из офицеров-военнопленных, находящихся в офицерских лагерях в Германии.

Прибыли:

- 1) подполковник кавалерии Моссор Стефан – офлаг П Е/К № 1449;
- 2) капитан Цыльковский Станислав – офлаг П Е/К № 1272;
- 3) подпоручик Гостовский Станислав – офлаг ПВ № 776/П/В;
- 4) капитан Клебан Эугениуш – офлаг П D №;
- 5) подпоручик авиации Ровиньский Збигнев – офлаг П С № 1205/П/В;
- 6) капитан танковых войск Адамский Константин – офлаг П С № 902/Х1/А.

Члены комиссии Польского Красного Креста имели возможность совместно осмотреть рвы, а также документы.

Поведение польских офицеров по отношению к немцам было сдержанным и достойным. В ходе короткой беседы в стороне они с явным удовлетворением приняли к сведению, что ПКК занимается исключительно технической стороной эксгумационных работ, полностью отмежевавшись от политической стороны.

19 января члены комиссии пытались связаться с поручиком Словенциком, чтобы детально обговорить условия работы. Однако в тот день из-за отсутствия транспортных средств эти попытки окончились ничем. 20 апреля, после бесплодного ожидания до 14 час., Людвик Ройкевич, не имея другого выхода, отправился пешком в находящийся в 10 километрах секретариат тайной полиции, чтобы установить контакт со Словенциком, но вернулся, поскольку по дороге встретил машину, в которой ехали новые члены комиссии ПКК в составе: 1) Кассур Хуго; 2) Яворовский Грациан; 3) Годзик Адам.

Вышеупомянутые члены комиссии выехали из Варшавы 19 апреля в 12.15 вместе с делегацией иностранных журналистов, в состав которой входили: швед, финн, испанец, бельгиец, фламандец, итальянец, чех и русский эмигрант из Берлина, а также пребывающий в Берлине профессор Леон Козловский, бывш. премьер правительства Речи Посполитой, и трое чиновников из отдела пропаганды в Берлине.

Техническую комиссию ПКК возглавил Хуго Кассур. В переговорах со Словенциком были затронуты следующие проблемы:

- 1) размещение членов Технической комиссии ПКК;
- 2) место для работы;
- 3) средства передвижения для членов Комиссии ПКК;
- 4) организация работы Комиссии;
- 5) хранение документов;
- 6) выбор места для братских могил.

По причине удаленности Катыни от Смоленска (14 км) и отсутствия транспортных средств члены Технической комиссии были размещены в отдельном бараке в деревне Катынь

в имении Борек, до войны 1914–1918 гг. принадлежавшем пану Ледницкому и находящемся в 3,5 км от Козьих Гор, где были убиты польские офицеры. В то время там находился полевой госпиталь организации Тодта. В этом имении члены Технической комиссии пробыли с 15 апреля до 20 мая, после чего их переселили в помещение сельской школы возле станции Катынь, где они проживали с 20 мая по 7 июня 1943 г. По договоренности со Словенником полный дневной рацион они получали на месте из офицерского клуба организации Тодта, причем рацион был такой же, как у частей в прифронтовой полосе. Следует отметить, что питание членов комиссии было удовлетворительным.

Из-за отсутствия подходящих помещений в лесу работа по изъятию и изучению документов была вынужденно распределена следующим образом: изъятие документов и повторное захоронение останков производилось на месте, то есть в Катынском лесу, а предварительное изучение документов – в секретариате тайной полиции, находящемся в 6 км от Катынского леса по направлению к Смоленску.

Пор. Словенник считал, что ПКК должен прислать в Катынь собственные средства передвижения. Когда ему объяснили, что все машины ПКК давно реквизированы, транспортная проблема была решена следующим образом:

- а) для проезда в катынский лес, расположенный в 3,5 км от места проживания, членам комиссии разрешалось останавливать на шоссе военные машины. То же касалось возвращения;
- б) для проезда в бюро секретариата тайной полиции, находящееся в 10 км, присылали мотоцикл.

Распределение обязанностей между членами комиссии было следующее:

- а) 1 член – при эксгумации трупов;
- б) 2 члена – при обыске трупов и изъятии документов;
- в) 1 член – при проверке порядковых номеров трупов перед перенесением их в братские могилы;
- г) 1 член – при повторном захоронении трупов;
- д) 2–3 члена – при прочтении документов;
- е) с 28 апреля, т. е. с момента прибытия членов комиссии – Водзинского Мариана, Куприяка Стефана, Миколайчика Яна, Круля Франтишека, Бучака Владислава, Плонки Фердинанда, – судмедэксперт доктор Мариан Водзинский с помощью лаборанта из краковского анатомического театра производил детальный осмотр трупов, которые не удавалось идентифицировать по документам.

Последовательность работ была следующей:

- а) откалывание и извлечение на поверхность останков,
- б) изъятие документов,
- в) осмотр врачом неидентифицированных останков,
- г) захоронение останков.

Время работы было установлено с 8 до 18 часов с полуторачасовым перерывом на обед.

Комиссия отмечает, что извлечение останков было сопряжено с большими трудностями, так как они были сильно спрессованы, хаотически сброшены в рвы, частью с руками, связанными за спиной, частью со снятыми и брошенными на голову шинелями, причем шинели были на шее стянуты шнурами, руки же связаны за спиной и также подвязаны шнуром, который был прикреплен к шнуру, стягивающему шинель на шее. Так связанные трупы находились главным образом в специальном рве, залитом грунтовыми водами, из которого извлечено только членами комиссии ПКК 46 жертв. Немецкие военные власти в связи с тяжелыми условиями при эксгумации такого рода хотели вообще этот ров засыпать. Только в одном из рвов найдено около 600 трупов, уложенных ровными рядами лицом к земле.

Большую трудность представляло отсутствие достаточного количества резиновых перчаток. Извлечение трупов производилось окрестными жителями, которые были мобилизованы германскими властями.

Вынесенные на носилках из рвов трупы укладывали в ряд и приступали к поиску документов таким образом, что каждый труп отдельно обыскивали двое рабочих в присутствии одного члена комиссии ПКК. Рабочие разрезали все карманы, извлекали содержимое, вручая все найденные предметы члену комиссии ПКК. Как документы, так и найденные предметы вкладывались в конверты, носящие очередной номер, причем тот же номер, выбитый на металлической пластинке, прикреплялся к трупу. С целью более тщательного и детального поиска документов распарывали даже белье и обувь. В случае обнаружения каких-либо документов или памятных предметов вырезались монограммы (если таковые имелись) с одежды или же белья.

Члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать следующие предметы:

- а) бумажки со всем их содержимым;
- б) всевозможные бумаги, найденные россыпью;
- в) награды и памятные предметы;
- г) медальоны, крестики и пр.;
- д) погоны;
- е) кошельки;
- ж) всевозможные ценные предметы.

При этом они могли убирать: отдельные банкноты, газеты, мелкие монеты, мешочки с табаком, бумагу для свертывания сигарет, портсигары деревянные и жестяные. Такое распоряжение было дано немецкими властями с тем, чтобы не перегружать содержимого конвертов. Наполненные таким образом конверты, перевязанные проволокой или бечевкой, в порядке номеров укладывали на подвижном столе, специально предназначенном для этой цели, затем их принимали немецкие власти и отправляли мотоциклом два раза в день, то есть в полдень и вечером, в бюро секретариата тайной полиции. Если документы не умещались в одном конверте, их помещали во второй, имеющий тот же номер.

В бюро секретариата тайной полиции документы, доставленные военным мотоциклистом, вручали германским властям. Предварительное изучение документов и установление фамилий проводилось при участии трех немцев и представителей Технической комиссии ПКК. Вскрытие конвертов проводилось в присутствии поляков и немцев. Документы, в том состоянии, в котором они находились при останках, тщательно деревянными палочками очищались от грязи, жира и гнили. В первую очередь делался упор на поиск тех документов, которые дали бы неопровержимую возможность установить фамилию и имя жертвы. Эти данные получались из документов, удостоверяющих личность, или из паспортов, служебных удостоверений, мобилизационных карточек либо свидетельств о прививках в Козельске. При отсутствии такого рода документов исследовались другие, такие как: корреспонденция, визитные карточки, записные книжки, листки с записями и т. п. Бумажки и кошельки с банкнотами эмиссии Польского Банка сжигались, банкноты в иностранной валюте, кроме русской, так же как все монеты и золотые предметы, складывались в конверты. Установленные фамилии, так же как и содержимое конверта, записывал на отдельном листе бумаги немец на немецком языке под тем же номером. Комиссия разъясняет, почему первоначально списки составлялись только на немецком языке. Немецкие власти заявили, что списки с фамилиями будут немедленно отсылаются в Польский Красный Крест, как и документы после их использования. В связи с вышеизложенным у комиссии не было повода составлять второй список, тем более что в начальной фазе работы персонал Технической комиссии ПКК был очень малочисленным. Если возникали трудности с расшифровкой анкетных данных, то под очередным номером записывалось «лич-

ность не установлена», однако найденные документы перечислялись. Такие документы пересылались немецкими властями в специальную химическую лабораторию для более детального исследования. В случае получения положительного результата фамилия жертвы вносилась под тем же номером, но в дополнительный список. Следует также отметить, что среди убитых были и останки без всяких документов либо памятных знаков. Однако и они снабжались порядковым номером и примечанием в списке: «личность не установлена».

После записи на листе бумаги о содержимом конверта документы либо предметы вкладывались в новый конверт, снабженный тем же номером, на конверте также перечислялось его содержимое. Эту операцию выполняли немцы. Таким образом, просмотренные, рассортированные и пронумерованные конверты складывались в порядке нумерации в ящики. Они оставались в исключительном распоряжении германских властей. Списки, напечатанные немцами на машинке на немецком языке, не могли быть сверены комиссией с черновиком, так как она уже не имела к ним доступа. По такой системе работы производились от № 0421 [до] № 794 в присутствии г-на Людвика Ройкевича. При установлении личностей № 795–3900 присутствовали члены Комиссии Цупрыяк Стефан, Яворовский Грациан и Миколайчик Ян. Способ работы вышеназванных лиц был практически такой же, с той лишь разницей, что списки они составляли уже на польском языке и по мере возможности пересылали их в Гл[авное] управление ПКК. От № 3900 до № 4243 присутствовал г. Водзиновский Ежи, сохраняя ту же самую методику работы. Идентификация тел №№ 1—112 и 1—420 до прибытия Комиссии ПКК производилась исключительно немцами. Одновременно комиссия подчеркивает, что при изучении документов дневники, воинские приказы, некоторые письма и т. п. забирались германскими властями для перевода на немецкий язык. Все ли они были возвращены и вложены в соответствующие конверты, комиссия утверждать не может.

Во время работы Технической комиссии ПКК в Катинском лесу в период с 15 апреля по 7 июня 1943 года эксгумировано всего 4243 трупа, из которых 4233 изъято из семи могил, находящихся на небольших расстояниях одна от другой и раскопанных в марте 1943 года германскими военными властями. Из упомянутых семи могил извлечены все останки.

Восьмая могила, находящаяся на расстоянии примерно 200 метров на юг от первой группы могил, была обнаружена 28 июня 1943 года, и из нее извлечено только 10 трупов. Они были захоронены в открытой тогда еще шестой братской могиле. Принимая во внимание летнее время, германские власти отдали распоряжение о перерыве в работах по эксгумации до сентября 1943 года, в связи с чем восьмая могила после извлечения упомянутых выше останков была засыпана.

Очень тщательно и на всей территории проведенное немцами зондирование в связи с тем, чтобы объявленная пропагандой цифра в 12 тысяч трупов не слишком расходилась с действительностью, позволяет предполагать, что больше могил уже не будет. В восьмой могиле, судя по ее установленным размерам, число трупов не должно превышать нескольких сотен. Это зондирование территории обнаружило ряд массовых захоронений русских в различной степени разложения трупов вплоть до скелетов.

Общее число эксгумированных трупов в количестве 4241 было захоронено в шести новых братских могилах, выкопанных вблизи от рвов, где производились расстрелы. Останки двух генералов захоронены в отдельных одиночных могилах. Могилы расположены на высоком сухом месте с песчаным грунтом. Территория по обеим сторонам братских могил низкая и сырая. Величина и глубина отдельных могил неодинакова в связи с условиями местности и техническими трудностями, возникающими в процессе работы. Дно всех могил совершенно сухое, и каждая могила в зависимости от длины, ширины и глубины включает по несколько рядов трупов, а каждый ряд – по несколько слоев. Верхние слои укладывались по меньшей мере на глубине одного метра ниже окружающей местности так, что после засыпания могил до уровня одного метра выше окружающей местности верхние слои останков будут присыпаны

двухметровым слоем земли. Все могилы имеют плоскую форму, одинаковую высоту, а их боковые откосы укреплены дерном.

Над каждой братской могилой установлен деревянный струганый крест высотой в два с половиной метра, а под крестом посажено немного полевых цветов. На поверхности братской могилы выложен большой крест из дерна. Могилы пронумерованы в порядке их создания для сохранения порядковых номеров учета извлеченных останков. Останки укладывались по порядку номеров головами к востоку один возле других, голова – несколько выше, а руки – сложены на груди. Каждый слой останков присыпан землей в 20–30 см. В могилах I, II, III и IV тела были уложены вместе, начиная с правой стороны, поскольку в могилы их вносили с левой стороны. Номера тел записывались в том порядке, в каком их укладывали. Список номеров тел, погребенных в каждой могиле, прилагается к данному отчету (список не найден. – *Прим. изд.*), как и план расположения кладбища, занимающего пространство 60 # 36, т. е. 2160 кв. м.

В день отъезда из Катыни последних членов Технической комиссии ПКК (то есть 9 июня 1943 года) ими был повешен на самом большом кресте IV могилы большой металлический венок, выполненный из жести и проволоки одним из членов комиссии. Этот венок, несмотря на то, что он был изготовлен вручную и в полевых условиях, выглядел эстетично. Он покрашен в черный цвет, в центре находится терновый венец из колючей проволоки, а в центре венца к деревянному кресту прибит крупный металлический польский орел с офицерской фуражки. Возложив на могилу венок, члены Комиссии почтили память расстрелянных минутой молчания и молитвой. Они простились с ними от имени Родины, семей и своего собственного. Покидая кладбище, Комиссия выразила благодарность за сотрудничество пор. Словенжику, подпор. Воссу, немецким унтер-офицерам и солдатам, русским рабочим за крайне тяжелый двухмесячный труд при эксгумации останков.

Резюмируя вышеизложенное, комиссия констатирует, что:

1) извлеченные из рвов останки находились в стадии разложения, поэтому их опознание было просто невозможно. В то же время мундиры сохранились довольно хорошо, особенно все металлические части, такие как знаки различия, награды, орлы, пуговицы и т. п.;

2) причиной смерти был выстрел, направленный в область основания черепа;

3) из документов, найденных на трупах, следует, что убийство имело место в период с конца марта до начала мая 1940 года;

4) работа в Катыни проходила под постоянным контролем германских властей, которые установили пост при каждой группе работающих членов комиссии;

5) вся работа была выполнена членами Технической комиссии ПКК, германскими властями и жителями окрестных деревень, число которых в среднем составляло 20–30 человек в день. Присылаемые также большевистские пленные в количестве по 50 человек в день использовались исключительно при выкапывании и засыпке могил и планировке территории;

6) общие условия работы были очень тяжелыми и нервно изматывающими. Кроме драматичности самого факта, разложение тел и отравленный в результате этого воздух создавали тяжелую и нервную атмосферу работы;

7) частые приезды различных делегаций, ежедневное посещение территории значительным количеством военных, вскрытие трупов, проводимое военными врачами-немцами и членами прибывающих делегаций, осложняли и так трудную саму по себе работу.

Поскольку председатель Технической комиссии г-н Хугон Кассур после отъезда 12.V. 1943 года не смог возвратиться в Катынь, функции председателя Технической комиссии ПКК до окончания работ исполнял г-н Ежи Водзиновский.

Несколько слов пояснений к приведенному выше отчету: требования немецкой пропаганды очень затрудняли работу Технической комиссии. Уже за два дня до выезда какой-либо важной делегации работы фактически прерывались, поскольку для их выполнения прибы-

вало всего 7—10 рабочих. Объясняли это тем, что жители окрестных деревень не явились на работы, несмотря на полученный приказ.

Когда в Катынь съехались профессора медицины из Германии и государств, сотрудничающих с «осью», им для осмотра и вскрытия были предоставлены тела офицеров высших рангов либо тех, кто, кроме смертельного огнестрельного ранения, получили также колотые штыковые раны или были связаны. На неоднократные настойчивые просьбы председателя Комиссии по этому вопросу внимания не обращали. Именно потому, что с важностью работы Комиссии недостаточно считались, при погребении останков во второй братской могиле появились пробелы в порядковой нумерации. Вскрытия, производимые иностранными профессорами, проходили без согласования с комиссией, что неоднократно затрудняло идентификацию. Комиссия избежала большей путаницы в работе благодаря тому, что часто самовольно забирала и хоронила останки, которые откладывали немцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.